

18+

Виктория Травская

КАРЬЕРА НЕУДАЧНИКА

Роман

Виктория Травская
Карьера неудачника. Роман

«Издательские решения»

Травская В.

Карьера неудачника. Роман / В. Травская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969848-3

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Толпа восторженно преклоняется перед своими кумирами, проходя мимо подлинных героев — тех «простых» и незаметных людей, на плечах которых держится весь этот непостижимый, грешный и прекрасный мир. Они не делают из своей жизни шоу, но их присутствие среди нас является столь же необходимым условием нашего существования, как воздух, которым мы дышим. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-969848-3

© Травская В.
© Издательские решения

Содержание

КАРЬЕРА НЕУДАЧНИКА	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
ВИНО ИЗ ДИКОЙ ЧЕРЕШНИ	7
Глава 1. Ангелы не умирают	8
Глава 2. На пепелище	11
Глава 3. Ода бабникам	16
Глава 4. Апология мещанства	31
Глава 5. Дары волхвов	36
Глава 6. Вино из дикой черешни	39
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	42
НЕВОЛЬНИК ЧЕСТИ	42
Глава 1. Маугли	43
Глава 2. Джедай	51
Глава 3. Конец романа	55
Глава 4. Невольник чести	62
Глава 5. Три пирога	67
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Карьера неудачника Роман

Виктория Травская

© Виктория Травская, 2020

ISBN 978-5-4496-9848-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моему ангелу.

КАРЬЕРА НЕУДАЧНИКА

...чернорабочие ангелы, из тех,
на которых держится каждая минута этого мира...
Дина Рубина, «Синдром Петрушки»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВИНО ИЗ ДИКОЙ ЧЕРЕШНИ

Глава 1. Ангелы не умирают

«...Не страх увеличивает бездну. Это делает трусость», – прочитала Марго, и её взгляд застыл на этой строке. Потом подняла глаза и посмотрела в окно. Там были всё те же кроны старых лип, сквозь голые ветви которых виднелись верхние этажи пятиэтажки напротив. Страх и трусость. Мозг профессионально ухватился за эти два слова: одно ядро, но совсем разные смыслы. В чём же разница? Можно было посмотреть в толковом словаре, но она подозревала, что он не дал бы ей исчерпывающего ответа, ведь тут требовались не словарные значения, а тонкая материя понимания, основанная на опыте – не теоретическом, а чувственном.

Весь следующий день, занимаясь привычными делами, она то и дело вспоминала об этой задачке и пыталась её решить, но ни один из возможных ответов не устраивал. Может быть, страх – это произвольная, безотчётная защитная реакция на опасность, тогда как трусость – осознанна? Чушь. Человек может быть трусом, вести себя как трус и даже не догадываться об этом. Или же страх возникает спонтанно, а трусость – что-то закрепившееся? Такая привычная реакция на всё непривычное? Страх, закрепившийся в подсознании. Ставший условным рефлексом. Страх – произвольная реакция, а трусость – устойчивая модель поведения...

Одно не вызывало сомнений: страх – условие трусости. Но не исключительное. Это слово не несёт в себе негативной оценки, в то время как трусость постыдна... Ну, конечно же! Вот оно! Трусость – нравственное качество, в то время как страх – всего лишь рефлекс. Природа ни нравственна, ни безнравственна. Но вышедший из неё человек, осознавший себя Божьим творением, созданным по Его образу и подобию, вкусил от древа познания Добра и Зла и начал оценивать себя в другой шкале ценностей – в той, которая призвана отражать состояние не объекта природы, но Творца.

Потому что именно этому созданию Господь – Универсум, Вселенский Разум, называйте, как хотите, слова здесь ничего не меняют, так как всего лишь указывают на точку в вашем сознании, из которой вы пришли к этой идее – так вот, именно человеку Он доверил самую сложную из задач. А раз так – раз сменилась функция системы – то и критерии её оценки стали иными. Если для зверя главным является выживание, стабильность, а следовательно, забота о себе, то для человека – живучесть системы в целом, причём в условиях постоянно меняющихся внутри себя «параметров». Иначе говоря, выживание человечества – не биологического вида, а проекта – обусловлено как раз его способностью к изменениям, к саморазвитию этой системы, при котором она (система) сама вырабатывает задачи и ставит промежуточные цели. Человечество – это выражение с огромным количеством переменных и только одной константой, каковой является его предназначение. И это предназначение, эта конечная цель (которая в масштабах одной человеческой жизни видится недостижимой, как горизонт) заставляет нас оценивать всё, что мы делаем – и чего не делаем – в иной системе координат, которую мы называем этикой. Но как ни крути, а созданы-то мы из материала зверя, и этот зверь постоянно прорезывается в наших поступках, диктует собственные правила и заставляет играть по ним – а не по «спущенной сверху» программе...

Время спутя, когда её мысль совершила полный оборот вокруг оси профессиональных привычек и вернулась к этой строчке, Марго увидела и ещё кое-что. Эти два слова были только ближайшими деревьями, за которыми она не сразу разглядела лес. Лес её собственной жизни. В которой она позволила своему страху перерасти в трусость, превратив расстояние в бездну, отбросив за границы бытия того единственного, с кем стоило бы – нет: следовало! – пройти свой путь. Отверженный, он так и не нашёл себе иного места и был отброшен, как ненужная деталь, без которой машина и так едет. Но с которой она, вероятно, могла бы летать – кто же теперь об этом узнает! Мастеру, здесь и сейчас, требовалось, чтобы она ехала, и он, жертва

собственной ограниченности, отбросил ненужную ему железку, вернув Вечности её подарок, оказавшийся преждевременным...

Если бы молодость знала, если бы старость могла! Нет, Марго и сейчас, в свои пятьдесят с небольшим, не считала себя старой. Просто есть вещи непоправимые, и именно это не давало ей покоя. Собственно, есть только одна такая вещь – смерть...

Временами, как сегодня, на неё «накатывало». Она думала о Котике и терзалась бесплодной мыслью, что если бы не отвергла его тогда, он и сейчас был бы жив. О том, что они были бы вместе, она старалась даже не думать – это было бы слишком хорошо. Это было бы несказанным счастьем, которого она, положа руку на сердце, ничем не заслужила. Поэтому ей было бы достаточно, чтобы он просто был жив. Просто был! Если бы она не была слишком послушной дочерью. Если бы доверяла своему сердцу, а не расхожим стереотипам. Если бы нашла в себе силы...

Если бы, если бы, если бы!..

Но беспощадная правда состояла в том, что его нет. Марго помнила тот серый, промозглый день, когда она узнала о его смерти. Непоправимость, окончательность её сиротства открыла ей беспощадную правду и о себе самой: совершая все положенные молодости ошибки, включая и своё бестолковое замужество, и сполна расхлёбывая их последствия, она всегда знала о том, что в этом мире есть плечо, на которое она, хотя бы мысленно, сможет склонить свою усталую голову. Как бы ни было тяжело, как бы ни трепали её хрупкую лодку штормы истории и последствия собственных поступков, но где-то там есть он, её ангел-хранитель. Мысль о нём была её маяком, утоляла все печали. Когда в ночной тишине она припадала к нему, то не было нужды о чём-либо говорить – всё происходящее в реальности становилось несущественным. Достаточно было вспомнить ощущение своей головы на этом плече, его глаза – смешливые и грустные одновременно, его голос. Это была её сладкая тайна. Тот уголок души, в который она не пускала никого – ни самых близких друзей, ни даже Лильку, его сестру.

От Лильки она и узнала, что уже почти два года хватается за пустоту – за воздух – и поняла, что стремительно падает...

Марго вдруг осознала, что Котик – которого она трусливо отвергла – был стержнем, вокруг которого строился и на котором держался её мир. Недостигаемым образцом. С которым она сравнивала всех встреченных людей: мужчин, которые всегда недотягивали, но были в той или иной степени приемлемы; и женщин, которые не стоили его почти никогда – включая и её саму! И теперь, когда она его потеряла окончательно, безвозвратно, сила её скорби открыла ей то, что следовало понять уже давно. Все эти годы она продолжала считать его своим. Потому что, в противном случае, что меняла его смерть? Разве она могла бы потерять его больше, чем тогда, много лет назад, когда сказала своё последнее нет? И вообще: разве может умереть ангел-хранитель? Ангелы бессмертны!

Однако это произошло. Её выстроенный в себе самой мир без него стал стремительно распадаться, ибо утратил опору, которая делала его приемлемым. Её душа погрузилась в хаос и пребывала в нём до тех пор, пока... Собственно, она так до сих пор и не поняла, что оставило её падение.

Тогда она была на восемь лет моложе его, а сегодня – на пятнадцать лет старше. Он так и остался тридцатишестилетним. В конце концов она перестала искать его во всех мужчинах – это оказалось делом безнадёжным. Его место в её душе так и осталось незанятым. Оно было как квартира в большом доме, хозяин которой живёт в другом городе и бывает здесь только наездами. И временами Марго с робким трепетом чувствовала: он здесь! Он давал знать о своём присутствии радостным толчком в сердце, и она устремлялась к нему, перепрыгивая через несколько ступенек, не в силах дождаться медлительного лифта, и перед его дверью не заботилась унять колотившееся сердце или придать лицу выражение вежливого удовольствия – дверь уже была распахнута, и он стоял за ней в ожидании, с улыбкой в грустных карих глазах...

Перед ним не было нужды притворяться, потому что он знал её лучше, чем она сама. Она просто опускала голову на его плечо, и их мысли и чувства смешивались, перетекали друг в друга, становились друг другом, становились одним. И тогда мир приходил в равновесие, в состояние гармонии – это был Божий мир, который она уже видела новыми глазами, словно кто-то помыл окна в доме. Он играл теперь свежими красками, и вдруг находились простые решения для неразрешимых проблем. Или появлялись силы ждать, если повлиять на ситуацию было не в её воле. Марго просто шла дальше, зная, что она не одна: Котик всегда стоит за её плечом, готовый рассмешить её ровно в ту минуту, когда она вот-вот расплачется от отчаяния. А знакомые и коллеги говорили: «Эта женщина вообще не знает проблем! Вот у кого всё хорошо! Посмотрите: улыбка не сходит с её лица!» – «Да она просто легкомысленная дура»...

Слепцы, они постоянно путают причину со следствием: Марго не оттого улыбается, что у неё всё хорошо; наоборот, у неё всё хорошо, потому что она улыбается.

Глава 2. На пепелище

Пожалуй, Котик бы расхохотался, если бы кто-то назвал его ангелом, – тот ещё ангел! И правда, с ортодоксальной точки зрения это определение было применимо к нему разве что в качестве ироничного антифразиса¹. Ну, не было в нём ничего сусального, постного, благочинно-ладанного – зато, напротив, он с избытком был наделён жизнелюбием в самом прямом смысле этого слова: пристрастием ко всем тем мирским удовольствиям, за которые принято каяться во время причастия. Два курчавых результата этих земных радостей частенько и подолгу гостили в доме его родителей, пока их мать делала карьеру в столицах. Марго знала от Лильки все детали этой истории, которая, если пересказать её в нескольких словах, выглядела следующим образом: курсант военно-медицинской академии встречается в Эрмитаже симпатичную девушку, которая в качестве гида-переводчика сопровождает группу иностранных туристов. Он следует за экскурсией по залам музея на некотором расстоянии и, пустив в ход всё своё обаяние, добивается свидания. Подробности мы опустим, перейдём сразу к итогам. Возможно, Лилька, боготворившая старшего брата, была недалеко от реальности, и девушка влюбилась в этого горячего кавказского парня, который так красиво ухаживал и был, к тому же, эрудитом и интеллектуалом. А может быть, как подозревала Марго, она оказалась достаточно искущённой и прагматичной. Или и то и другое вместе. Как бы там ни было, спустя какое-то время Рита сообщила ему о своей беременности, и Котик – который был, конечно, гусаром, но всё же честным человеком – сделал ей предложение.

Да-да, Рита! То есть их обеих звали одинаково – Маргаритами. Марго это бесило, а Котик со смехом называл её своей работой над ошибками. Именно тогда она и взяла себе это имя – Марго, другое производное от Маргариты. Впрочем, это была Лилькина идея: Лилька крепко недолюбливала золовку и с самого начала их студенческой дружбы величала подругу не иначе как Марго, игнорируя все её протесты. «Ну, что это за имя – Рита? – ёрничала она. – Это же собачья кличка: Ритка, Ритка, Ритка! Ритка, лежать! Ритка, фас!..»

Сердце у Лильки было предоброе, но язычок довольно ядовитый, а характер вреденький. Когда кто-нибудь в её присутствии произносил имя Рита, она делала дурашливое непонимающее лицо, упирала руку в бок и говорила с апломбом: «Какая ещё Рита?! Кто здесь Рита?! Я не знаю, кто это!» Девчонки сначала хихикали, но так как она всякий раз настойчиво поправляла их – Марго! – то со временем все на курсе постепенно переключились на Марго, потому что Лилька была тот самый случай, когда легче сказать да, чем объяснить, почему нет. Самой Марго оставалось только смириться: её новое имя ещё долго казалось ей слишком претенциозным и каким-то театральным. Но когда ей стала известна истинная подоплёка Лилькиной нелюбви к Рите, она и сама, внутри своего сознания, отмежевалась от прежнего короткого имени.

Это было странно и абсолютно иррационально. Ведь, как ей казалось, не любя Котика – ну, во всяком случае, не любя той любовью, которую Лилька ждала от неё для брата – Марго страшно ревновала его к бывшей жене. Может быть, повстречайся они в другое время, всё было бы иначе. Но судьба, коварная интриганка, столкнула их в наименее подходящий для этого момент: Марго как раз переживала последствия личной катастрофы.

.....

Чем выше взлетаешь, тем больше падать. Боль от этого падения была пропорциональна восторгам и блаженству предыдущих восьми незабываемых месяцев. То есть, она была непе-

---

¹ Антифразис – стилистический приём, заключающийся в употреблении слова или словосочетания в противоположном смысле, обычно ироническом.

реносима. К тому же виновник этих столь противоречивых переживаний принял своё эпохальное решение расстаться с Марго ровно за месяц до защиты её диплома.

Нельзя сказать, что это решение грянуло громом с ясного неба. Что-то такое она подозревала уже в начале весны, но так как любая мысль о разрыве была для неё несовместима с жизнью, Марго всячески гнала её прочь, задвигала в тёмные углы сознания, изобретательно находя удобные объяснения его раздражительности и всё более редким свиданиям. Но облачко над горизонтом, выглядевшее поначалу довольно невинным, выросло в чёрную тучу, которая заволокла всё небо без остатка, и гром таки грянул.

Грянул он аккурат в конце апреля, когда следовало сдать научному руководителю черновой текст дипломной работы. Надо ли говорить, что этого текста не было и в помине? Если не считать неполных трёх страничек введения, которые Марго торопливо накропала ещё в марте, до всего этого кошмара. После чего все её умственные усилия без остатка уходили на изобретение правдоподобных объяснений начавшемуся охлаждению Того Единственного.

И вот – извольте получить: «Я ещё слишком молод, чтобы жениться, и вообще...», а на носу защита диплома, на котором ещё и конь не валялся!

Марго в своём горе была не оригинальна. Как и любая девушка в подобной ситуации, она последовательно прошла все полагающиеся стадии: несколько дней безудержных рыданий; попытку бегства куда глаза глядят; упаковку реланиума под подушкой, которую следовало выпить всю сразу (тоже вариант бегства, только более радикальный) и далее по списку.

Но в этой схватке между чувством и долгом победил долг, и финал трагедии так и не был сыгран. Чувство ответственности, это проклятье старшего ребёнка в семье, оказалось сильнее желания умереть, которое постепенно ослабло до нежелания жить. Марго обложилась книгами и старыми записями и, периодически размазывая по лицу слёзы, которые мешали видеть текст, за неделю написала положенные пятьдесят страниц. Это отняло последние остатки сил, и вечер перед защитой она провела у подруги, методично заливая своё горе домашним грузинским вином, которое они разливали по стаканам прямо из двухлитровой банки.

Анестезия сделала своё дело, и Марго, впервые за несколько недель, заснула мёртвым сном. Но наутро обнаружился побочный эффект – головокружение такой силы, что первые несколько минут после пробуждения она судорожно цеплялась за края своего дивана, чтобы не упасть. В другое время это было бы даже забавно, ведь, объективно, комната со всем её содержимым стояла на месте, а вращалось и раскачивалось что-то в голове. Но надо было как-то добраться до универа, не говоря уже о прочих обстоятельствах, и Марго было не до смеха. Несколько чашек крепкого кофе и душ немного снизили амплитуду качки. Она взглянула на себя в зеркало – краше в гроб кладут! – и достала единственную приемлемую блузку.

Девчонки, конечно, придут в лучших платьях, специально купленных ради этого дня. У Марго ничего такого не было. Не то чтобы она была равнодушна к тому, как выглядит – напротив, всегда была эстеткой. Но все силы её существования в течение последнего года были посвящены, целиком и полностью, другому существу. Для которого их оказалось слишком много. И теперь она обнаружила себя бедною старухой, сидящей у разбитого корыта. У самого синего моря собственных выпланных слёз. Слишком много просила у Золотой Рыбки! Лучше бы, вместо великой любви, остановилась на какой-нибудь приличной одежке.

Ну, да ладно. В свете предстоящего провала, в котором она почти не сомневалась, будет гораздо уместнее выглядеть не слишком парадно.

Но вопреки её ожиданиям провал обернулся маленьким триумфом. Или Золотая Рыбка сменила гнев на милость, или Марго и в самом деле совершила невозможное, однако Верховный Ареопег отдельно отметил её защиту как «блестящую», подчеркнул глубину исследования и даже выразил надежду видеть Марго в рядах научного сообщества.

Аспирантуру предлагать не стали. Понятное дело: аспирантуру она сама благополучно профукала ещё зимой по причине завышенных личных ожиданий, которые они с Тем Един-

ственным тогда ещё рисовали в своём воображении, держась за руки. Ожидания великого совместного будущего не оправдались, как «погибают замыслы с размахом, вначале обещавшие успех...»², но в её случае не «от долгих отлагательств», а по наивности. Как впоследствии любил повторять один из её начальников, девушка не должна быть такой доверчивой. Дальнейшие события показали, что всё, чего требовалось для сохранения этих бесконечно дорогих её сердцу отношений, это забеременеть, но ей, с её возвышенными представлениями, это и в голову не пришло. А Слишком Молодого Чтобы Жениться окрутили этим банальным способом меньше чем через год после их разрыва.

Весь следующий год ушёл на то, чтобы научиться жить без него. Это всё равно, что заново учиться ходить, есть и пить, говорить и думать. Старые рефлексy не работали, душа словно мутировала и теперь отказывалась функционировать в обычных условиях. Марго чувствовала себя ампутантом, у которого удалили половину тела: просыпаешься и хочешь встать на ноги – а их нет! Или чувствуешь, как затекла рука. Пытаешься растереть её другой рукой – и натыкаешься на пустой рукав. И эти постоянные фантомные боли! Когда кровоточит та часть твоего существа, которой больше нет...

Тяжелее всего было просыпаться. Так как за ночь сознание успевает забыть о случившемся, то каждое следующее утро обрушивает на тебя ужас непоправимости потери, как в первый раз. И пока мозг вносит поправки в изменившуюся картину бытия, ты заново проходишь все круги этого ада и собираешь свой мир по кусочкам – из того, что осталось. На это уходило столько сил, что ни на что другое их почти не оставалось. А между тем надо было ходить на работу. Приводить в порядок квартиру. Покупать продукты и, желательно, что-то из них готовить. Потом это приготовленное следовало съесть, чтобы иметь силы жить дальше. Еда превратилась в абстрактный ритуал, всё казалось сухим и безвкусным, не лезло в горло, но Марго заставляла себя прожевать и проглотить кусок-другой, запивая красным вином. Мама говорила, что красное вино возбуждает аппетит и содержит много железа, поэтому в умеренных количествах является неплохим лекарством от анемии. Неизвестно, была ли у Марго анемия – скорее всего, была, учитывая длительное равнодушие к еде, бледность, худобу и отсутствие сил. Поэтому Марго сочла за благо воспользоваться этим средством, определив для себя как умеренное то количество вина, которое считала необходимым. Изнемогая от войны с собственным сердцем, она как-то вечером села в тёплую ванну, взяв с собой бутылку вина, и пила до бесчувствия. Потом перебралась в постель и провалилась в тяжёлый, душный хмельной сон.

А утром всё началось сначала. Но, по крайней мере, на какое-то время ей удалось отключиться, и это давало надежду, что такой метод лечения рано или поздно даст результат. Или приведёт к алкоголизму... В сущности, ей было наплевать. Это всего лишь было бы заменой одной патологической привязанности на другую. Но перед глазами вставали мрачные картины детства рядом с отцом-алкоголиком, и Марго старалась не принимать эту процедуру чаще одного раза в неделю – в субботу, когда наутро не надо было идти на работу и скрывать запах винного перегара.

И кстати, не помешало бы раздобыть что-то достаточно приличное из одежды. Эта библиотека была первым местом её работы, и если уж она предавалась тайному пьянству, то следовало хотя бы не выглядеть, как пьянчужка. Впрочем, мнение окружающих не многого теперь стоило в её глазах: силой, заставившей вытащить себя за волосы из болота скорби, стал дух протеста. Он был присущ Марго изначально – её первые слова, произнесённые в младенчестве, если верить матери, были «я сама!». Возвращение этого духа стало, наверное, первым признаком выздоровления. По крайней мере, привести себя в порядок её заставило желание лишить своих недругов повода торжествовать победу – к тому времени она уже знала, что случившееся с ней не обошлось без постороннего вмешательства.

---

² Строка из монолога Гамлета в переводе Б. Пастернака.

Наверное, именно в эту пору у Марго выработалась привычка: чем тебе хуже, тем лучше ты должна выглядеть! Не позволяй торжествовать своим врагам. Не позволяй себя жалеть всем остальным. Кроме того, красивая одежда и ухоженный вид сами по себе обладают мощным терапевтическим эффектом: они, как броня, надёжно скрывают женские печали и слабости. Большинство людей, особенно мужчин, воспринимают эту личину как символ благополучия и успеха. Ты ловишь собственное отражение в их глазах и в конце концов сама начинаешь видеть себя их глазами, читая в них восхищение или зависть, – начинаешь верить в то, что есть чем восхищаться и чему завидовать.

Итак, через месяц после роковых событий она извлекла из футляра забытую бабушкину швейную машинку и совершила набег на магазины тканей, где купила два отреза самых дерзких расцветок. Единственная комната её квартиры наполнилась лоскутами и выкройками; ковёр и диван пестрели обрезками ниток, которые, как репей, прилипали потом к одежде; тут и там лежали распахнутые журналы мод.

Исцеление началось.

А несколько месяцев спустя Марго проснулась со странным ощущением. Это было похоже на то, как если бы солдат много месяцев просыпался под грохот снарядов и крики товарищей, чувствуя привычный страх и привычную необходимость подчиняться приказу командира, преодолевать этот страх и идти в атаку – и вдруг проснулся в тишине, нарушаемой только пением птиц и шелестом ветра. Сначала он привычно ждёт артобстрела или налёта вражеской авиации, его чуткий слух, обострённый постоянной опасностью, пытается уловить в рассветной тишине отдалённый ляг танковых гусениц или глухую дробь шагов во вражеских траншеях. Но идёт минута за минутой, и ничего не происходит. Он недоверчиво выглядывает из блиндажа, осторожно приподнимает голову над бруствером... Перед ним, сколько хватает глаз, лежит поле вчерашней битвы: разбитые вражеские танки местами ещё дымятся, тут и там зияют воронки – но враг отступил, сдался. Покинул это место навсегда, забрав своих мертвецов и свою злобу. Мир!

Марго недоверчиво прислушалась к своим ощущениям. Сердце билось сильно и ровно, прохладный воздух из открытого окна наполнял лёгкие покоем и... странным чувством освобождения. Она перевернулась на спину и открыла глаза. Увидела, как ветер колышет белую занавеску, раскрашенную первыми лучами солнца в розовато-жёлтые прямоугольники. Услышала солидное воркование голубей и звонкую скороговорку мелких птах, ритмичное шуршание дворницкой метлы, звук открываемого окна и приглушённые голоса по соседству. Обычные утренние звуки. Которых она не слышала так давно за криками и стоном, за рёвом и грохотом пожара в собственной душе.

Марго обратила свой взгляд вовнутрь и увидела выжженное пространство. Обугленные обломки кирпича и бетона, бесформенные остовы арматуры, закопчённые осколки стекла. Головешки, оставшиеся от мебели. Подёрнутые сединой кучки пепла, по которым уже невозможно определить, чем они были раньше... Словом, руины своей прежней жизни. Сначала она пыталась спасти всё это, залить пожар. Но в её распоряжении не было иной влаги, кроме поточков собственных слёз. И тогда, поняв тщетность этих усилий, она стала помогать огню, безжалостно бросая в него все дорогие сердцу предметы. Страдая от ожогов. Задыхаясь в дыму. Мечтая и сама сгореть в этом адском пламени. Сгореть к чёртовой матери, лишь бы всё это наконец закончилось!

Однако, вопреки собственному желанию, она выжила. И вот теперь стоит над своим пепелищем – кое-где ещё тлеют угли, поднимаются тонкие струйки дыма. Теперь это пустота, открытое пространство. Сквозь которое виден горизонт – горы, небо – и другие дома. Другие возможности. Дороги, ведущие за горизонт. И Марго даже захлебнулась от нахлынувшего чувства свободы. Ничто больше не держит её здесь! Она может выбрать любую из дорог, раски-

нувшихся под её ногами. А может проложить собственную. Начать с нуля, переписать жизнь заново!

Это был, наверное, болевой шок, который наступает, когда страдания делаются совсем невыносимыми. Со временем он пройдёт, и ещё долго будут ныть и кровоточить раны, медленно затягиваясь уродливыми шрамами, вынуждающими к осторожности. Страх возвращения невыносимой боли и станет причиной трусости – одной из её причин. Возможно, самой главной.

Но в то утро – и все последующие дни – Марго просто отдалась этому новому, непривычному, блаженному чувству освобождения. Оно было настолько полным, что временами ей казалось, будто она умерла, потому что помнила всё до мелочей – но не чувствовала боли...

Глава 3. Ода бабникам

Теперь, с высоты своего опыта, я могу смело утверждать: самые лучшие спутники жизни – это зануды и бабники. Не в одном лице, разумеется, – это разные категории. В чём-то противоположные. И хороши они по разным причинам.

Первые хороши тем, что ничего не упустят, за ними как за каменной стеной. А это значит, что можно расслабиться и отдалиться любимому делу, зная, что всё в вашей совместной жизни под их неусыпным контролем. Зануда не забудет про текущие платежи (коммуналка, кредиты, детсад и прочее), произведёт ревизию содержимого холодильника и позаботится о своевременном пополнении запасов, рационально распланирует досуг и мероприятия по поддержанию порядка, и т. д. и т. п. Жизнь с занудой – это «умный дом», в котором запрограммированы все мелочи вашего проживания, который большую их часть автоматически делает за вас и методично – по таймеру – напоминает вам о том немногом, что вы должны сделать сами.

Конечно, жизнь с занудой имеет свои издержки. Очень внимательный к мелочам, он способен довести до белого каления замечаниями и уточнениями, если что-то, по его мнению, делается не так, как следует. Тут главное не заводиться и на все его вопросы давать простые и очевидные ответы.

- Почему в раковине грязная тарелка?
- Потому что я её не вымыла.
- Почему не вымыла?
- Отвечала на твой звонок, милый!
- А потом?
- Забыла.
- Помой теперь.
- Конечно, родной. Спасибо, что напомнил.

Психовать бессмысленно: он запрограммирован на факты и будет добиваться от вас фактов до полного – вашего! – изнеможения. Важно понять: если он о чём-то спрашивает, то не придирается, не достаёт и не изводит – он всего лишь тестирует систему с целью выявления причины сбоя и её скорейшего устранения. Ничего личного. Просто его способ вас любить – это обеспечивать вам максимально комфортные и предсказуемые условия существования.

Совсем другое дело бабники. Они настолько любвеобильны, что нормальной женщине хватит с избытком и даже останется. Этот остаток следует держать в уме и не тешить себя иллюзиями, что ваш ненаглядный будет принадлежать только вам.

Да это и просто неразумно.

Ну вот... что вы, например, больше всего любите? Шоколад? Мороженое? Клубнику? Неважно. Представьте, что вам каждый день привозят огромный ящик шоколада (мороженого, клубники, etc.). Что вы с этим добром станете делать? После того как от души налакомитесь, всё равно ещё много останется. Ну, допустим, что-то можно отложить про запас – заморозить, наварить варенья. Но ведь завтра привезут ещё столько же. И послезавтра. И после-после... Вам всё равно придётся что-то с этим делать. Угощать соседей и сослуживцев. Раздавать. Продавать.

Точно так же и с бабником: его хватит на всех, и бессмысленно накладывать на него лапу, орать «моё!» и топтать ногами – целиком вам его не переварить!

Но если вы сможете принять его таким – будьте спокойны: он всегда будет возвращаться в ваш дом. Поэтому когда он рядом – наслаждайтесь, используйте его на полную катушку! Когда же его нет – отдыхайте.

Бабник по-настоящему любит женщин, то есть стремится окружить их максимальной заботой. Вспомните, как он вас завоёвывал. Ведь наверняка он очень трогательно и красиво

ухаживал и никогда – никогда! – не тащил вас за волосы в постель. Но он сделал всё возможное, чтобы вы сами этого захотели.

К тому же эти милые создания весьма чадолюбивы – детей они любят так же сильно, как женщин. Я бы сказала, что они лучшие в мире отцы, но тогда придётся долго спорить о том, каких отцов следует считать лучшими, а здесь единого мнения нет и быть не может: всё зависит от родительских амбиций. Например, можно ли считать таковым папашу, который балует своё чадо, спускает ему все шалости – и даже больше: помогает скрывать проказы от матери; если же о них всё-таки становится известно, он неизменно принимает сторону ребёнка, а когда того всё-таки накажут, тайком таскает ему в комнату вкусняшки. Возможно, это непедагогично. Но именно благодаря таким свойствам их щедрой природы у бабников, как правило, вырастают счастливые дети: этим везунчикам не приходится искать участия и понимания на стороне, связываясь с сомнительными компаниями и полжизни преодолевая комплексы. Они с самого рождения купались любви, а ведь только любимый ребёнок чувствует себя полноценным человеком. Уверенным в себе. Самодостаточным. Счастливым.

Дети же, которыми пренебрегали или с которыми были чрезмерно строги и суровы, чей распорядок был распisan поминутно, а удовольствия зависели от соблюдения дисциплины или от того, в какой мере им удаётся удовлетворять родительские амбиции, – такие дети живут в постоянной тревоге, что они недостаточно хороши для того, чтобы их любили. Это особенно фатально сказывается на девочках, которые, став взрослыми, из-за низкой самооценки бывают не в состоянии устроить собственную личную жизнь. Они считают себя настолько недостойными любви, что становятся лёгкой добычей плохих парней всех сортов и расцветок, кидаются в объятия первого же паршивца, который их приласкает. И так мало ценят себя, что делают практически рабами своих мужей или бойфрендов, безропотно терпят даже пьянство и побои, работают как проклятые на этих бездельников – лишь бы добыть свою малую толику нежности! Или хотя бы её видимость. Номинального партнёра. Прощая всё, лишь бы он был рядом – потому что наличие этого пусть плохонького барашка, но зато своего даёт им спасительную иллюзию собственной полноценности. Я не одна – значит, я не хуже других! И тут порочный круг замкнулся: чтобы тебя любили, ты должна быть полноценной; а чтобы ты была полноценной, надо, чтобы тебя любили...

Такого никогда не случается с дочерьми любвеобильных отцов. Эти девушки воспринимают любовь к себе как нечто совершенно естественное и никогда не падают в объятия первого подвернувшегося кавалера. Они тщательно и спокойно выбирают. И, выбирая, подсознательно ищут мужчину, похожего на их отца – просто потому, что рядом с отцом им всегда было хорошо. Но даже если выбор окажется не вполне удачным (чего не бывает!), то они с лёгкостью прекращают такие отношения, так как, во-первых, уверены, что достойны лучшего, а во-вторых, ни секунды не сомневаются, что они это лучшее найдут.

Истинный бабник, при всей своей разнообразной и запутанной личной жизни, никогда не допустит, чтобы его женщины и их потомство в чём-то нуждались, а потому если уж заводит детей, то – всё в дом, сколько бы этих домов у него ни было и кому бы ни принадлежало потомство его подруг биологически. Он никогда не станет заморачиваться с экспертизой ДНК, его правило: моя женщина – мои дети! И чтобы обеспечить тех, кого он любит, бабник пойдёт на все: будет брать сверхурочные и ночные дежурства, найдёт вторую, а если понадобится, то и третью работу, пустится в мутные воды сомнительного бизнеса. Когда в результате такого изнурительного образа жизни он оказывается на больничной койке, то его законная супруга получает реальный шанс познакомиться лично со всеми пассиями, а его соседи по палате и медперсонал – возможность целыми днями лакомиться экзотическими фруктами и прочими деликатесами, так как сам он не в состоянии употребить и малую часть от щедрот своих благодарных подруг.

Это именно тот сорт мужчин, которому свойственна «привычка жениться». Причём все разводы происходят исключительно по инициативе предыдущих жён, не сумевших преодолеть собственнический инстинкт. И совершенно напрасно: когда любезный занят на стороне, вы можете спокойно заниматься любимым делом (см. выше, параграф «Зануда»). Правда, если ваше любимое дело – держать мужа при себе, то могут возникнуть проблемы, и вам тогда лучше найти себе зануду. Но только в этом случае. В остальном вы будете премного довольны. Поэтому стоит крепко подумать, прежде чем решиться на развод с бабником. Если вы взвесите все за и против, то окажется, что от этого развода вы ничего не приобретаете – даже такой малости, как удовлетворённое самолюбие. Потому что ему не придётся страдать от одиночества, а вот вам – ещё как! Даже дети будут спасаться от вашей строгости у папы, получая от него то, в чём отказали им дома, идёт ли речь о вещах материальных или о моральной поддержке. К тому же будьте готовы к целому вороху житейских проблем, которые свалятся на вас после его ухода. С соседями, с управляющей компанией и отдельными коммунальщиками, с детсадовскими и школьными «властями», и так далее. Проблем, о существовании которых вы и не подозревали, будучи уверенной, что держите в руках бразды правления всеми семейными делами. Проблем, которые он разрешал легко и безболезненно благодаря своему неотразимому обаянию.

Да, он бесконечно мил и обаятелен, причём независимо от внешних данных. Часто можно услышать от посторонних: «Что все они в нём находят?!» В самом деле, такая незаурядная мужская привлекательность может скрываться за самой банальной внешностью. Бабник может быть даже откровенно страшненьким – например, маленьким, лысым и кривоногим. Или этаким крепышом с пивным животиком и волосатыми конечностями. Или, наоборот, тощим лопухим верзилой. Это совсем неважно.

Вот что действительно важно – это не перепутать такое редкое альтруистичное создание, как бабник, с эгоистичным кобелём. Между этими видами имеются как минимум два существенных отличия: если бабник готов осчастливить весь белый свет, то кобель любит и убажует только себя единственного, и для него «отношения» – не более чем спорт, в котором каждая новая женщина – очередная медаль: получив её, то есть вас, он теряет к вам всякий интерес. Теперь вы для него только трофей, повод хвастаться своими победами в мужской компании. Он поместил вас в свою витрину и уже готовится к следующим состязаниям. Вторых, на детей им плевать: залетела – твои проблемы! Поэтому бесполезно пытаться привязать такого субъекта посредством рождения ребёнка. «Поматросил и бросил» – это как раз о них. Если они и заводят детей добровольно, то только под старость – чтобы семя не пропало. Кобель прекращает отношения неожиданно, коварно и безжалостно, пресекая любые попытки себя удержать. Может быть груб или равнодушно-циничен. Его любимые ответы на все ваши слёзы и упрёки – «но ты же сама этого хотела» и «я тебе ничего не обещал». Спустя очень короткое время он вас не узнаёт на улице, не видит в упор. В то время как бабник сохраняет прекрасные отношения со всеми своими подругами – бывшими, текущими и потенциальными. И, что очень мило, никогда не станет трепаться о своих похождениях. Ему не надо ничего доказывать ни себе, ни окружающим. Он не гонится за количеством. Между этими двумя такая же огромная, но трудноуловимая для большинства разница, как между сексом и любовью.

Итак, хвала бабникам!

.....

Это лирическое отступление нуждается в иллюстрации.

Проходя один за другим все круги своего личного ада, Марго в числе многих испробовала и этот способ – лечить подобное подобным. Не то чтобы ей этого хотелось, как раз наоборот. Но она хваталась за любую соломинку. Если бы ей в этот момент предложили совершить Эль

Камино де Сантьяго³, она бы с готовностью отправилась в пешее паломничество. Но подвернулся Тамаз, и она решила: почему бы нет?

Как легко догадаться, Тамаз был бабником. А по роду занятий – театральным хореографом. Первое было его призванием и образом жизни, второе обеспечивало средства к существованию. Она познакомилась с ним в танцевальной студии – в том же месте, что и с виновником своих бед, и примерно в то же время. Намечался большой танцевальный конкурс, в котором, помимо обычных, была заявлена новая номинация – лучший танцевальный коллектив, и руководство пригласило постановщика танцев из местного драмтеатра.

Слава о любовных подвигах Тамаза бежала впереди него. Он ещё не успел появиться в студии, а девчонки в раздевалке уже сплетничали о его интрижках и бурных романах. Что из этого фольклора было правдой, а что плодом эротических фантазий влюблённых дам – неизвестно. Но эти слухи приятно щекотали нервы и вносили нотку пикантного возбуждения в рутину изнурительных репетиций. Поэтому, когда он уверенной походкой солиста вошёл в зал, все присутствующие жадно уставились на этого героя-любownika.

Если бы кто-то наблюдал эту сцену со стороны, он нашёл бы забавной последовательную смену разнообразных эмоций на лицах женской половины: пока руководитель представляла присутствующих друг другу, любопытство и готовность к восхищению сменились недоумением и замешательством, а эти, в свою очередь, разочарованием. Но как только Тамаз сделал несколько первых па, все невольно издали коллективный вздох восторга, и дело было сделано: новый хореограф мог брать любую из присутствующих девушек голыми руками. Это было настолько очевидно, что парни сразу напрялись – не секрет, что в каждом подобном коллективе существуют свои сложные любовные отношения.

Чёрт возьми, как он это делает?!

Ведь, строго говоря, его никак нельзя было назвать красавцем. Правда, он был атлетически сложен, но это было скорее тело борца, а не танцора: широкие плечи, развитая мускулатура и, прямо скажем, не идеальные ноги, которые легче было представить обнимающими коня, чем скользящими по паркету. Не говоря уже о лице, смуглом и простоватом, единственным украшением которого была широкая белозубая улыбка. Говорил он раскатистым баритоном, с выраженным кавказским акцентом, и заразительно смеялся. Правда, он питал слабость к белому цвету в одежде – белые джинсы и рубашки, белый полотняный костюм летом и белый плащ осенью – и, следует признать, смотрелся довольно эффектно. В этом сочетании белых одежд со смуглым лицом и brutальной внешностью был какой-то не то богемный, не то бутлегерский шик, навевающий представления о суровых и неунывающих контрабандистах и солёном ветре в парусах их лёгких и манёвренных яхт. Но этим исчерпывалась его забота о своём имидже.

Так что, хотя от него ждали чего угодно – одни с любопытством и надеждой, другие с тревогой и враждебностью – концу первой репетиции стало понятно, что Тамаз провёл и тех и других, не оправдав ни самых худших, ни самых заманчивых ожиданий. Во всяком случае, из танцевального класса все вышли его лучшими друзьями. Причём дружба эта не прекратилась и после конкурса и ни разу не осложнилась амурными эксцессами, которых можно было ожидать, учитывая его репутацию. После затянувшихся допоздна репетиций, когда общественный транспорт уже не ходил, он часто присоединялся к компании, чтобы проводить девчат по домам. А учитывая, что все они жили в разных районах, эти проводы часто затягивались до полуночи. Благодаря неуёмному артистическому темпераменту Тамаза этот привычный ритуал приобрёл дух весёлого авантюризма, с танцами и песнями на ночных улицах (тогда ещё никто не называл это флэшмобами), а раз или два поход заканчивался шумным и бестолковым

---

³ Путь к могиле святого Иакова, система пеших паломнических маршрутов по Европе к испанскому городу Сантьяго-де-Компостела.

чаепитием в его холостяцкой квартире, после которого он отправлял своих гостей по домам на такси. Но даже развлекая компанию бесчисленными байками из своей театральной жизни, не всегда пристойными, он никогда не трепал имена женщин. И щедро расточая знаки внимания той или другой девушке, делал это так искренне и безыскусно, что никто не испытывал неловкости. Это не отменяло того факта, что любой из их компании был готов идти за ним куда угодно, как дети в сказке шли за волшебной дудочкой⁴.

Справедливость требует уточнить, что, несмотря на силу своего обаяния, Тамаз никогда не злоупотреблял этой силой. Он не вклинивался в чьи-либо отношения и с уважением относился к чувствам. Каким-то непостижимым инстинктом мог оценивать свои шансы в каждом отдельном случае. И никогда не бывал навязчив. При этом он всегда был готов прийти на помощь, в чём бы она ни заключалась. Если решение вопроса было невозможно без доступа в вышестоящие инстанции, то он пускал в ход всю обширную и разветвлённую сеть своих знакомств, и то, что никогда не было бы сделано по закону, делалось просто из дружеского расположения. Если требовалось ввязаться в драку, он делал это также не раздумывая, мастерски используя опыт, накопленный в период увлечения восточными единоборствами. Его карман всегда был открыт для друзей, поэтому часто оказывался пуст. Но его большое сердце никогда не оставалось пустым.

.....

Марго стояла на мосту над Терекком, глядя на быструю мутную воду. Летом Терек был полноводней, чем зимой, и вода в нём всегда была мутной из-за дождей, которые смывали с гор глинистую почву. Зимой его питали только медленно таявшие ледники, и тогда на его дне можно было разглядеть каждый камешек.

Но не теперь. Бешено несущийся мутный поток напоминал Марго её собственную смятенную душу: казалось, что она изливается из её глаз и превращается в эту реку, и тогда ей хотелось умчаться в этом потоке к Каспию, чтобы растворить в его солёных водах свою боль...

Она вздрогнула, когда кто-то обнял её за талию и, резко отпрянув, увидела широкую белозубую улыбку.

– Тамаз!

– Только не скажи, что ты решила утопиться, – отозвался он, не переставая улыбаться. И с обезоруживающей прямоотой добавил: – Ни один из нас, мерзавцев, этого не сто́ит!

Марго почувствовала, как кровь прихлынула к её щекам. Но с Тамазом было бесполезно играть в прятки: во-первых, он был в курсе всех последних событий, а во-вторых, сразу разоблачил бы плохую игру. Поэтому она честно призналась:

– Была такая мысль. Но меня остановили эстетические соображения. К тому же хотелось бы умереть быстро, так что барахтаться неизвестно сколько времени в ледяной воде – не вариант.

Он расхохотался, закинув голову и держась за перила моста. Но вдруг резко оборвал смех и сделался серьёзным. Потом развернул Марго к себе и, крепко держа за плечи, поймал её взгляд.

– Послушай меня. Я сейчас спешу в театр и ужасно опаздываю. Иначе я бы тебя просто отлупил по заднице прямо здесь, на мосту! – Мимолётная улыбка сверкнула и растаяла на его лице. – Мы вернёмся к этому вопросу в субботу, на репетиции, окей? А пока марш домой, или куда там ты направлялась! – Он развернул её как куклу к ближайшему спуску с моста и довольно чувствительно подтолкнул в спину. – Марш отсюда, поняла?!

Марго сделала по инерции несколько шагов и обернулась.

– Хорошо...

---

⁴ Согласно средневековой легенде, музыкант избавил город Гамельн от крыс при помощи волшебной дудочки. Когда же магистрат отказался ему заплатить, он в отместку увёл из города всех детей.

На подвижном лице Тамаза гнев уже сменился на милость. Он в два широких шага вернулся к ней, быстро чмокнул в щёку, уколол пропахшими табаком усами, и почти бегом пустился в противоположную сторону. Сойдя с моста, ещё раз оглянулся и погрозил кулаком...

Репетиции ансамбля были для Марго пыткой. Сначала одна только мысль о том, чтобы три вечера в неделю проводить в обществе тех, кто представлялся её друзьями, месяцами выжидая случая нанести удар – не говоря уже о самом её вероломном партнёре – эта мысль казалась ей дикой, невозможной, лежащей за пределами гуманности. Она не собиралась возвращаться туда, где такое стало возможным, и длить свои муки. Но спустя месяц после злополучного диплома позвонила Майя Сергеевна, руководитель студии, между своими – Майка, и потребовала, чтобы Марго вернулась к репетициям: она не сможет за оставшийся месяц найти и подготовить новых солистов, и участие ансамбля в конкурсе будет сорвано.

– Майя Сергеевна, я не могу! Вы же знаете...

– Знаю. И, поверь, я тебе очень сочувствую. Думаешь, со мной такого не было?

– Нет!..

– Ха-ха!

– Нет, я не об этом. Я вам верю. Просто... вы не знаете!

– Я всё знаю...

– Да выслушайте же меня!

– ...

– Они все... Ну, не все, но я знаю, кто... Они это сделали! Лили ему в уши за моей спиной...

– Открыла Америку! Да я с самого начала, как только поставила его к тебе в пару, знала, что кое-кто будет сходить с ума от зависти. Что-то подобное можно было предполагать с самого начала... Единственное, чего я не ожидала, – что он так быстро сломается...

– Вот видите! Он сам не захочет.

– Это не твоя забота.

– Но я не могу! После всего этого! Не-мо-гу!..

– Ну да, ну да. Низы не хотят, верхи не могут. Революционная ситуация⁵... То есть ты хочешь позволить им праздновать победу? Я правильно поняла?

– ...

– Короче, Марго. Завтра в пять! – и Майка дала отбой.

Повесив трубку, Марго принялась шагать из угла в угол, и с каждым разворотом на сто восемьдесят градусов у окна или у стены точно так же радикально менялось её отношение к проблеме. Она металась, подобно маятнику, от ярости – к страху, от злости – к протесту, от обиды – к отмищению, и так до тех пор, пока не иссякла энергия, порождённая этой разностью потенциалов, и наступившая усталость погасила колебания. Остановившись посередине комнаты, Марго рухнула на диван и некоторое время сидела обессиленная, с абсолютно пустой головой. Спустя какое-то время из этой пустоты начали всплывать обрывки мыслей, которые постепенно сложились в некую картину.

Она мысленно окинула взглядом результат. Увиденное показалось несколько неожиданным, но больше не пугало. Наоборот, оглядев это решение со всех сторон, Марго испытала даже некоторое нетерпение. В самом деле, с какой стати она должна прятаться и молча страдать, забившись в угол? Разве это она причинила зло? Больше того: освободив место, она делает именно то, чего от неё ждут, на что рассчитывает эта камарилья. То самое, ради чего ими затевалась вся эта возня.

Не дождутся! Если она и уйдёт, то несломленная. И – на своих условиях...

---

⁵ Признаки революционной ситуации, сформулированные В.И.Лениным: «Верхи не могут управлять по-старому...; Низы не хотят жить по-старому...». Общеизвестная хрестоматийная формула, повсеместно изучавшаяся в вузах в советский период.

Это решение далось ей нелегко. Но всё равно легче, чем его осуществление. Как бы там ни было, она появилась на ближайшей репетиции. На несколько мгновений задержалась перед дверью танцкласса, чтобы приподнять и бросить назад плечи. Это движение она открыла для себя сама, заметив однажды, как перед выходом на конкурсный танцпол каменеют от страха затылок, шея и верхняя часть спины. Чтобы освободиться, она непроизвольно подтянула плечи к ушам и резко бросила их назад и вниз – и страха как не бывало! Так и теперь: лопатки превратились в крылья, она вздёрнула подбородок и – шагнула в дверь.

Двое или трое из её товарищей с видимым облегчением устремились ей навстречу, Майка сдержанно улыбнулась: «А, пришла! Хорошо». Остальные застыли в своём углу, их лица выражали недоумение, досаду и скепсис. Но Марго послала им одну из своих самых очаровательных улыбок и приветливо помахала рукой. Она откровенно забавлялась их замешательством – кое-кто даже машинально поднял руку в ответном приветствии, но ступешался – она чуть было не рассмеялась, так уморительно этот жест контрастировал с выражением лица.

Но с первой секунды своего возвращения глазами души она искала – и боялась найти – своего партнёра. Слишком Молодого, Чтобы... И в этот самый миг она его нашла. Он находился вне поля её зрения, где-то сзади и слева, в противоположном от всех углу. Марго почувствовала его присутствие по тому, как что-то очень холодное резко и болезненно вонзилось в сердце. Волевым усилием зафиксировав на лице улыбку, она перехватила косвенные взгляды присутствующих, метнувшиеся к чему-то за её спиной, но не оглянулась, а начала разминаться у станка, пристально следя в зеркале за своими движениями. Мышцы быстро вспомнили всё, что должны были делать, и отзывались приятным чувством удовольствия, подобным тому, которое испытываешь, потягиваясь после долгого сна. Выполняя растяжки, Марго небрежно отвечала на осторожные вопросы о своём отсутствии – защищала диплом, совершенно выдохлась. Те, кто задавал эти вопросы, невольно последовали её примеру, как это часто бывает в таких компаниях, подхватив её движения. Майя заняла место перед группой, отсчитывая ритм и задавая нужные позиции. Словом, процесс пошёл⁶.

Необходимость сосредоточиться на упражнениях несколько успокоила бешено колотившееся сердце – слава Богу, ближайшие четверть часа каждый будет занят собой! О том, что будет дальше, Марго старалась не задумываться. Приседая, сгибаясь, подпрыгивая, она с каждым хлопком отбивающей ритм Майкиной ладони мысленно повторяла: партнёр, просто партнёр! Он теперь просто мой партнёр...

Но первое – после разрыва – его прикосновение обожгло её так, что Марго едва не задохнулась. «Дыши!!! – скомандовала она самой себе. – Дыши, твою мать!..» Прежде, если они находились близко, но не имели возможности касаться друг друга, между ними возникало напряжение столь сильное, что оно ощущалось физически. Взгляды, слова, даже позы людей между ними образовывали концентрические дуги, подобные тем, в которые выстраиваются железные опилки между полюсами магнита, подчиняясь неумолимому притяжению. Но ток любви, который возникал между ними тогда, стоило им коснуться друг друга, – этот магический ток неутолимого желания и счастливого обладания, благодаря которому их танец, пусть и не всегда безупречный технически, так завораживал, – этот ток теперь только искрил и дымил между разорванными проводами, вызывая короткое замыкание, гасившее свет в их глазах. И они избегали смотреть друг на друга, только на короткий миг их взгляды встретились – в зеркале, но в мире ином друг друга они не узнали⁷. Марго не смогла прочесть, о чём говорит

---

⁶ Одна из широко известных фраз М.С.Горбачёва, тогдашнего руководителя страны.

⁷ Строка из стихотворения М.Ю.Лермонтова «Они любили друг друга так долго и нежно», являющегося вольным переводом немецкого поэта-романтика Генриха Гейне: Они любили друг друга так долго и нежно, С тоской глубокой и страстью безумно-мятежной! Но, как враги, избегали признанья и встречи, И были пусты и хладны их краткие речи. Они расстались в безмолвном и гордом страданье И милый образ во сне лишь порою видали. И смерть пришла: наступило за гробом свиданье... Но в мире новом друг друга они не узнали.

этот взгляд – он был на чужом, не известном ей языке – и она отшвырнула его, как Скарлетт швырнула вазочку о стену кабинета, в котором Эшли отверг её любовь. Ради всего святого, не сейчас! «Подумаю об этом потом!» – решила она, не подозревая, что облекла своё решение ровно в те слова, которые были девизом её любимой героини⁸. Майка, которая всегда зорко следила за тем, чтобы партнёры не теряли зрительного контакта, не могла не замечать его упорного отсутствия у этих двоих, но благоразумно молчала.

Разглядывая себя потом в раздевалке, Марго изумилась, не обнаружив на своём теле ссадин, синяков и ожогов в тех местах, где к нему прикасалась его рука: пока танцевали, она испытывала нестерпимую боль, словно с неё заживо содрали кожу. Решив, что с неё достаточно, она ушла первой, бросив неопределённое «мне пора»...

С тех пор прошло уже несколько репетиций, которые не были менее мучительны, но она притерпелась. В промежутках – то есть по, воскресеньям, понедельникам, средам и пятницам – она до полного изнеможения бесцельно шлялась по улицам – за этим занятием и застал её Тамаз.

Ей никого не хотелось видеть. Вначале, в первом пароксизме горя, она пыталась искать утешения у друзей, которыми так долго пренебрегала, будучи целиком поглощена одним-единственным человеком. Несмотря на это, незлобивые и верные, друзья с готовностью делали то, что и положено друзьям, – подставляли плечо и протягивали руку. Однако облегчения не наступало, и Марго показалось непростительным эгоизмом надоедать им своими переживаниями теперь, когда она, наконец, вспомнила о них.

Так наступила очередная суббота.

Они уже заканчивали разминаться, когда распахнулась дверь зала и вошёл Тамаз, этот Человек-Праздник. Майка сбилась с ритма, ряды танцоров смешались, с разных сторон послышались шумные приветствия. Ответив сразу всем, он, однако, не остановился возле Майки, а нашёл глазами Марго и устремился к ней, на ходу пожимая протянутые руки. Подойдя, взял её за руку и, наклонившись, легонько коснулся губами её щеки. Потом лукаво заглянул в глаза, выдержал, шельмец, достаточную паузу (достаточную для того, чтобы смысл этого поступка дошёл до каждого из присутствующих) и только после этого направился к Майке. Потрясённая Марго отвернулась к спасительному зеркалу, не удержавшись от искушения считать в нём реакцию присутствующих на этот превосходно срежиссированный пассаж. Странно: почти никто не использовал с этой целью зеркало, инстинктивно глядя непосредственно на объект своего интереса. А между тем было на что посмотреть! Её товарищи представляли собой коллективный вопросительный знак, в котором большой, жирной точкой были глаза Слишком Молодого. Однако дальше репетиция протекала как обычно – пока не дошла очередь до сольной партии.

Вся задуманная композиция называлась «Карнавал», и в этом месте Марго с партнёром должны были, по замыслу хореографов, исполнить вариации самбы под сольный аккомпанемент группы ударных. Тамаз, скрестив на груди руки, стоял возле Майки и наблюдал за танцем, время от времени что-то с ней обсуждая и, судя по жестам, внося какие-то предложения. Майя Сергеевна раз или два останавливала танец, делала замечания, но результат всё равно её не устраивал – она хмурила брови и качала головой. Часть массовки откровенно скучала, другая злорадно наблюдала за этим неизбежным фиаско – переглядывалась, мысленно потирая руки.

Вдруг, прямо в середине музыкальной фразы, Тамаз нажал на паузу и подошёл к солистам. Бросил коротко: «Дай-ка я!» – обнял Марго за талию и кивнул Майке через плечо, чтобы запустила фонограмму.

Марго, как и все, знала, что танцует Тамаз божественно, и всё равно оказалась не готова к тому, что последует. Правда, ей не требовалось прилагать каких-либо чрезмерных уси-

---

⁸ М. Митчелл, «Унесённые ветром».

лий. При первых звуках атабаке⁹, пока ждали нужного такта, он подмигнул: расслабься. Собственно, вариантов не было: ей оставалось только сдаться на милость победителя и следовать за его отточенными, темпераментными движениями. Окружившая их массовка сперва ошалело наблюдала за этим фейерверком, но потом, опомнившись, принялась отбивать ритм каблуками и ладонями.

Когда, достигнув кульминации, тема оборвалась, Марго обнаружила себя в крепких объятиях Тамаза, в которых он задержал её несколько дольше, чем требовалось. Она оказалась целиком во власти этого мускулистого, гибкого тела; глаза их встретились на расстоянии вдоха, и страсть заключённая в этом взгляде, на несколько мгновений опалила её огнём неудержимого желания. Сейчас, в эту самую минуту, он овладевал ею, и она ничего не могла с этим поделать! В звенящей тишине – словно последний аккорд композиции поглотил все звуки мира – Марго видела, как менялось его лицо. Сначала опали бешено раздутые крылья носа, только что извергавшие пламя. Потом разгладились складки между бровей, а расширенные зрачки сузились до нормальных размеров. Наконец он медленно опустил вскинутую назад и вверх руку с растопыренными пальцами, улыбнулся и шутливо боднул её, отпуская.

– Bravo! – воскликнула Майка. – Вы видите?! Видели?! Это то, что надо! То, что надо!

И тогда, словно кто-то скомандовал «отомри», все захлопали, принялись что-то выкрикивать и бурно обсуждать, – даже те, кто несколько минут назад предвкушал провал Марго.

На Слишком Молодого было жалко смотреть. Майка повисла на его руке и принялась что-то ему втолковывать по горячим следам, дирижируя свободной рукой. Он же нервно перебирал кнопки магнитофона, тыча пальцем то в прямую, то в обратную перемотку, и покорно, стиснув зубы кивал. Может быть, случайно, а может, он осознанно хотел остановить поток Майкиного энтузиазма, но в какой-то момент его палец опустился на «пуск» – и в следующую секунду грянули трубы Свиридовской «Метели», любимого вальса Марго. Тамаз подхватил её, ещё не успевшую отдышаться, и они понеслись по залу в торжествующем головокругительном вальсе, их примеру последовал кое-кто из присутствующих, и в тот момент, когда Тамаз поднял Марго и закружил над полом, раздался похожий на выстрел хлопок закрываемой двери...

.....

Эта репетиция стала началом непредсказуемого и увлекательного спектакля, о подоплёке которого знали только двое – Марго и сам Тамаз. Пожалуй, ещё Майка догадывалась, куда дует ветер: она видела картину со стороны и немного сверху. Но Майка предпочла помалкивать в надежде, что в случае успеха выгорит и её дело. Остальным отводилась пассивная роль статистов в пьесе, разыгрываемой опытным режиссёром, он же – один из главных героев.

Надо отдать ему должное: Тамаз никогда не переигрывал. Оставаясь абсолютно естественным, он умело дёргал за ниточки их страстей и амбиций, очевидных и тайных пороков. Впрочем, что эта режиссура не имела ничего общего с холодным расчётом или бездушной манипуляцией – она была целиком интуитивна. «Тамаз, что ты вытворяешь?» – спросила Марго после первой, памятной, репетиции. «Всё нормально, – отмахнулся он. – Не дрейфь. Просто кое-кого пора поставить на место. Не знаю, как ты, а я не выношу паскудства». «И как ты собираешься это сделать?» – «Не я, а мы. На всякий случай запомни: ты – моя девушка!» – «Да?.. И что от меня требуется?» – «Ничего особенного. Просто доверься мне. – И, заметив, как она напряглась, добавил, широко улыбаясь: – Не бойся, насиловать тебя я не собираюсь!»

После каждой репетиции, ожидая Марго, он курил на улице с парнями. Пока они травили анекдоты, трепались о том – о сём, Слишком Молодой находился тут же, демонстративно поджидая свою новую подружку. Но с этой ролью, как и с танцем, пока справлялся плохо: его лицо, вместо нетерпения влюблённого, выражало оскорблённое самолюбие. К тому же, как только

---

⁹ Бразильский барабан.

Марго показывалась в дверях, Тамаз торопливо прощался и, подхватив её под руку, уводил прочь, лишая его удовольствия продемонстрировать свою новую привязанность.

Однажды кто-то, не сдержав любопытства, бросил им вслед:

– Куда это вы каждый вечер сбегаете?

Он медленно обернулся и, выдержав короткую паузу, ответил с обезоруживающей улыбкой:

– Ко мне, конечно. Хотите с нами? У меня есть отличный кофе!

«Этого ещё не хватало!» – подумала Марго. Но она беспокоилась напрасно: предложение не вызвало ничего, кроме замешательства. Раздались сбивчивые оправдания, которые Тамаз пресёк в свойственной ему дружеской манере – поднял обе руки ладонями вперед, как бы останавливая поток извинений.

– Всё нормально! Значит, в другой раз...

– Паршивец, – прошипела Марго, когда они удалились на достаточное расстояние. Тамаз расхохотался (можно было только догадываться, как истолкуют этот хохот те, кто сейчас смотрит им вслед). Отсмеявшись, сказал:

– Тоже мне, интрига! Если они до сих пор считали, что я целомудренно провожаю тебя до подъезда, то они ещё глупее, чем кажутся.

– Но ведь это действительно так!

– Да, и это довольно печально... Но им об этом знать не обязательно! – Он помолчал и добавил. – Вообще-то тебе было бы полезно забросить чепец за мельницу...

– Перестань!..

...Когда переодевались перед следующей репетицией, Сомова спросила:

– Ну и как кофе?

В раздевалке повисла неловкая тишина. Марго не сразу поняла, в чём дело.

– Какой кофе?

Но, увидев эту сальную физиономию, предвкушающую её смущённые оправдания и то, как она будет впоследствии рассказывать об этом их общему другу – «Ты бы это видел! Она завертелась, как уж на сковородке!» – Марго вспомнила о приглашении Тамаза. Сомова подтвердила её догадку:

– Ну как же. Вы ведь позавчера отправились угощаться отличным кофе!

Сомова питалась чужими переживаниями, они были ей необходимы, как кровь вампиру. Были её хлебом и маслом. Глядя на неё, Марго думала о том, как, капля за каплей, она высосала душу из её любимого, превратив его в труса – в тряпичную куклу, которую потом с лёгкостью толкнула в объятия своей подруги.

И Марго вдруг испытала прилив шального вдохновения. Она мечтательно улыбнулась, выдержала паузу и томно вздохнула.

– А, да... Точно. Что ж, кофе был действительно великолепен!.. Там, кстати, много осталось, так что сегодня продолжим...

«Кошмар! Тамаз меня совсем испортил», – подумала она и, в восторге от бомбы, которой стала произнесённая ею двусмысленность, отправилась в зал.

.....

Лето в провинции – пора гастролей. Будучи своим в театральных кругах, Тамаз «вытаскивал» её на лучшие спектакли, которые они смотрели с самых лучших мест в зале. Именно тогда она сшила своё первое настоящее платье – за три дня! Из обычного ацетатного шёлка, но с необычным, тигровым рисунком. Конечно, при ближайшем рассмотрении в нём можно было заметить некоторые огрехи, но когда Марго выходила из такси перед высоким театральным крыльцом, Тамаз, подавая руку, окинул её взглядом и просиял: «Блеск!»

Он умел обставить своё появление, и когда они шли по ярко освещённому фойе, Марго чувствовала себя почти звездой под прицелом всех этих взглядов, в которых, подобно отражённому от них двоих свету, горели любопытство и зависть. Она потом смутно помнила спектакли и концерты, но послевкусие этого торжества помогло ей пережить ещё много горьких минут...

Когда не было спектаклей, они гуляли по набережной, и этот неистощимый балагур смешил её до колик своими выходками и байками, многие из которых, как она подозревала, он выдумывал на ходу.

Однажды в сумерках они остановились у водопада. В этом месте Терек низвергается с одной из искусственно сооружённых в его русле ступеней, образуя облако брызг, в котором приятно охладиться летом. Марго смотрела на отвесно падающую массу воды, Тамаз облокотился на парапет рядом – разговаривать здесь было невозможно из-за грохота реки. Зажглись фонари, он оглянулся и посмотрел вдоль набережной поверх её плеча на цепочку мигающих огней. И вдруг, притянув её к себе, сказал в самое ухо:

– Обними меня! Быстро!

– Зачем? – растерялась она и тоже попыталась оглянуться, чтобы понять причину этого неожиданного требования. Но он опередил её. Обхватив ладонью её затылок, склонился над её лицом и впился в её губы яростным и жадным поцелуем. Марго перестала чувствовать землю под ногами. Её изголодавшееся по ласке тело пронзило наслаждение столь острое, что она застонала. Но глупое сердце тут же застучало в ушах – это не он! не тот! не тот! Не тот... Она попыталась представить на месте Тамаза того, кого помнило её тело, по ком оно ныло – каждой своей клеточкой, каждым нервом, каждый прожитый миг – кого безвозвратно потеряла и всё ещё так отчаянно хотела...

И не смогла. Это был не мальчик, ошалевший от желания, нетерпеливый и неловкий, но опытный любовник, который умел ждать. И, дождавшись – медленно испытать блаженство, не уронив ни капли...

Спустя несколько головокружительных мгновений он оторвался от её губ – но не ослабил объятий. Она жадно хватала ртом воздух.

– Ты меня задушишь, – проговорила, не слыша своего голоса.

– Да.

Она скорее почувствовала кожей, чем услышала его ответ. И тут – в свете ближайшего из фонарей увидела два удаляющихся силуэта, один из которых был ей так хорошо знаком. Это его она силилась вызвать из небытия минуту назад – как раз когда он проходил мимо со своей спутницей. В шаге от неё. Немыслимо далеко.

Марго закрыла глаза и опустила голову на плечо Тамаза.

Они стояли неподвижно в брызгах и грохоте падающей воды, не решаясь разорвать это объятие – каждый по своим причинам.

Марго боялась посмотреть Тамазу в глаза, понимая, как мало она способна отблагодарить его за столь щедрое (хотя, возможно, и не вполне бескорыстное) великодушие. Как бы там ни было, он не просто отвёл от неё удар, избавив от необходимости лицеизреть торжество своей соперницы – он обратил её оружие против того, чьей благосклонности она наконец добилась. И это была во всех смыслах сладкая месть! Ведь главной причиной, толкнувшей Слишком Молодого на разрыв, было болезненное самолюбие подростка, которому внушили необходимость доказать, что он мужчина. Наказать дерзкую, которая посмела за его спиной делиться планами их будущей совместной жизни (Ничего похожего Марго не делала – все свои радужные надежды она робко лелеяла в душе, боясь вспугнуть своё счастье; но к тому моменту, когда ей представилась долгожданная возможность очиститься от наветов, правда его уже не интересовала). Сделав то, чего от него ждали, он, наверное, очень гордился собой. И вдруг увидеть, что жертва, так щедро преподнесённая идолу мужского тщеславия, обернулась удачей для другого,

что его место рядом с ней так быстро оказалось занятым – это, должно быть, чувствительная пощёчина. Нет, не пощёчина даже – шлепок ниже спины глупому мальчишке, возомнившему себя героем-любовником.

А Тамаза терзали противоречивые чувства, одним из которых была злость. Злость на того, кто не умел ни любить, ни отпустить женщину. И на неё – за то, что её душа всё ещё принадлежит тому, которому она больше не нужна. И вот он, Тамаз, сейчас обнимает это тело и даже может овладеть им, без труда сломив сопротивление. Но ему не нужна эта пустая оболочка. А этот мальчишка способен довольствоваться блестящей обёрткой – но ему за какие-то заслуги досталась душа, пленительное ядрышко этого орешка, ради которого не жаль сломать зубы о твёрдую скорлупу!

Так и не решив эту дилемму, Тамаз наконец ослабил хватку.

– Ладно, пойдём.

До самого её дома он не проронил ни слова. Но – это несколько утешало – не выпускал её руки.

И всё равно в душе у Марго царил полный раздраз. Она не могла понять, что чувствует к Тамазу. Во всяком случае, они сегодня перешагнули черту дружеского флирта: его власть над её желаниями была просто пугающей. Но ещё хуже оказалась догадка о его чувствах. Потому что, как выяснилось, они у него есть – как минимум, гордость. И то, что до сих пор казалось всего лишь весёлой игрой, вдруг дьявольски осложнилось. Она обнаружила себя на незнакомой территории, на очень зыбкой почве.

Поэтому, когда добрались до её дома, Марго увлекла Тамаза в тёмный подъезд: ей не хотелось расстаться с ним походя, как ни в чём не бывало. Она не видела его лица – лампы здесь не задерживались – но это ей было даже на руку: её лица он тоже не видел.

– Ты хочешь пригласить меня к себе? – спросил он, когда за ними захлопнулась дверь подъезда.

Марго услышала в его голосе знакомую нотку лукавства, и у неё немного отлегло от сердца.

– Нет, – поспешно ответила она. Но тут же, смешавшись, исправилась: – То есть, если хочешь, можем зайти...

– Успокойся, глупая. Я не настаиваю. – Он грубовато, по-дружески, стиснул рукой её плечи: это снова был тот Тамаз, которого она знала. – К тому же, если я зайду, то за себя не отвечаю.

Ну вот, всегда он так!

– Тамаз...

– Да?

– Спасибо тебе.

– Господи. За что?!

Она помолчала, подыскивая правильный ответ, и выдохнула:

– За то, что ты рядом.

После короткой паузы он ответил:

– Было бы за что. Я ужасный эгоист и делаю только то, что доставляет удовольствие мне самому. – Он притянул к себе её голову, щекоча её ухо губами и усами (от чего по всему телу побежали мурашки), прошептал «до завтра» – и исчез за дверью.

Марго постояла в темноте, обнимая себя руками. Потом на ватных ногах поплелась к лестнице...

.....

Мозг сплетницы отличается предельно простыми и стандартными нейронными связями. За каждым фактом в нём закреплён ограниченный универсальный набор причин и следствий,

не подлежащих сомнению. Причём переход от причины к следствию осуществляется напрямую, минуя все промежуточные условия – по протоптанной тропинке.

Поэтому Марго не особо удивилась, когда Сомова уже на другой день спросила у Тамаза: правда ли, что он собирается жениться? Из чего можно было заключить, что их с Тамазом вчерашние объятия на набережной были замечены и подружка успела обсудить эту новость с Сомовой. Любопытство было не единственной причиной вопроса, если это вообще был вопрос: тот же приём какое-то время назад спровоцировал приступ паники у нынешнего кавалера её ближайшей подруги – настолько сильный, что тот, как настоящий хозяин своему слову, поспешил взять его обратно и отрёкся от Марго раньше, чем пропел петух¹⁰. Причём умудрился сделать это, не потеряв лица – под предлогом оскорблённой гордости. Разница состояла в том, что на этот раз вопрос был задан в присутствии обеих заинтересованных сторон, а также всего состава танцевальной студии. Выбор момента не оставлял сомнений: зная репутацию Тамаза, который к своим тридцати двум годам всё ещё оставался холостяком, можно было предположить, что он, как обычно, отшутится. Это было в порядке вещей при обычных дружеских подначках, но в данных обстоятельствах должно было дать понять Марго, а заодно и всем присутствующим, что не следует обольщаться и эти отношения для него не более чем эпизод.

Однако Тамаз не подкачал. Задумавшись не более чем на пару секунд, он коротко ответил:

– Правда... И мы хотим много детей, – добавил этот негодник, лукаво подмигнув ей через весь зал.

Марго почувствовала, как кровь бросилась ей в лицо. Что ж, она имела полное право на стыдливый румянец. А счёт между тем опять увеличился в их с Тамазом пользу: можно сказать, что Сомова забила в собственные ворота.

«Вероятно, следующее, что они будут обсуждать – это срок моей беременности!» – решила Марго. Она, кажется, была единственной, кто не поверил словам Тамаза. Он, конечно, прекрасный человек и настоящий друг. Но, во-первых, скорее всего, останется верен национальным традициям и женится на честной девушке, которую одобрит его семья. А во-вторых, зачем ему это? «Ведь я даже не люблю его!» – подумала Марго, но в следующую минуту вспомнила его объятия и прижала ладони к заплавающим щекам. Нет, в самом деле, не мог же он сказать это серьёзно! Для неё это означало бы выйти замуж только ради того, чтобы насолить Слишком Молодому, и он не может этого не понимать. Хотя с него станется! «Я не могу с ним так поступить», – решила она и дала себе обещание не поднимать эту тему в разговоре с Тамазом.

Однако он сам заговорил об этом. Они уже подходили к её дому, когда он спросил:

– Ну и что ты думаешь насчёт нашей свадьбы?

– Господи, Тамаз, ты это серьёзно?!

– Разумеется. – И так как она уже набрала в грудь воздуха, остановился и развернул её к себе лицом. – Молчи! Я знаю заранее всё, что ты можешь сказать. Исправь меня, если я ошибаюсь. Я ужасный бабник, не пропускаю ни одной юбки, и меня только могила исправит – это раз. И ты думаешь, что никогда не сможешь меня полюбить – это два. Я ничего не забыл?

Марго растерялась. В голове застряло слово «думаешь», которое, как воткнутый между шестернями гвоздь, мешало мыслям крутиться дальше. Всё, что она смогла сказать:

– Ты что, правда собираешься на мне жениться?

– Сколько можно спрашивать одно и то же? Да, я собираюсь на тебе жениться. И – да, я хочу от тебя детей. Но при одном условии.

---

¹⁰ Намёк на отречение апостола Петра, предсказанное Иисусом во время тайной вечери, непосредственно перед своим арестом: «Он [Пётр] отвечал Ему: Господи! с Тобой я готов и в тюрьму и на смерть идти. Но Он сказал: говорю тебе, Петр, не пропоет петух сегодня, как ты трижды отречешься, что не знаешь Меня». (Мф.26,34; Мк.14,30; Ин.13,38).

– Аааа... Ну, значит, свадьбы не будет.

– Почему? Ты же не знаешь, что это за условие.

– Знаю, конечно. Я должна быть девственницей.

– Что?.. Да плевать мне на твою девственность! – Он, видимо, всё-таки обдумал эту мысль, потому что добавил: – Конечно, это с твоей стороны было бы очень мило, но нельзя же иметь всего...

– Тогда что? – Марго терялась в догадках. Он смотрел ей в глаза и молчал. Наконец решился:

– Нас в постели должно быть только двое!

– Ты о чём? – машинально спросила Марго, чувствуя, что готова провалиться сквозь землю: неужели он понял?!

– Ты прекрасно знаешь, о чём я. Тогда, на набережной, когда я целовал тебя, ты ведь думала о нём?.. Можешь не отвечать. Я действительно хотел придушить тебя!..

Марго стояла потупив голову, как провинившаяся школьница, и чувствовала, что вот-вот расплачется.

– Ну вот! Понеслось, – голос Тамаза смягчился, и он притянул её к себе. – Этого ещё нам не хватало... Пстой! – отстранившись, он достал белоснежный платок из кармана своего белого пиджака и вложил в её руку. – Держи. А то всего меня тушью перемажешь.

Дав ей выплакаться, он приподнял пальцами её подбородок, посмотрел в заплаканные глаза и сказал серьёзно:

– Ты его забудешь, поняла? Это я тебе обещаю!

.....

Но ничего не вышло.

Дни шли за днями, август незаметным образом превратился сентябрь: Студенческие год закончились, и начало осени стало совсем неотличимо от конца лета. Шесть дней в неделю она ходила на работу в свою библиотеку, по вторникам четвергам и субботам – на репетиции. Все остальные вечера, если Тамаз не был занят у себя в театре, они гуляли по городу, ходили на спектакли и концерты. Раза два она даже бывала у него дома, но эти визиты оставались вполне невинными – он, видимо, тоже ждал: в конце месяца предстоял этот злосчастный конкурс.

Марго мечтала о том, чтобы конкурс, наконец, оказался позади, как моряк мечтает о берегу после долгого и опасного плавания. Чем бы он ни закончился, её обязательства перед коллективом и Майей Сергеевной можно будет считать исполненными, и она сможет с чистой совестью покинуть студию. Их конкурсный номер, если верить Майке, вышел «вполне сносным» – по крайней мере, технически. Но ему не хватало того чувственного слияния, которое составляет главную прелесть латинских танцев. Несмотря на все усилия хореографов, это была скорее схватка двух непримиримых противников, каковую мысль и выразил Тамаз после очередной из бесконечного числа попыток:

– Да это просто спарринг какой-то!

Майка вынуждена была признать, что сохранение этой пары оказалось ошибкой. Её многолетний опыт дал осечку. Пережив бессчётные влюблённости всех поколений своих питомцев, она, как ей казалось, научилась преобразовывать их энергию в танец, умело направляя выбросы этого гормонального пара в пластику движений. Эффективность такого подхода подтверждалась многочисленными дипломами, которые почти целиком занимали одну из стен танцевального зала, а также кубками, выставленными в стеклянных стеллажах в вестибюле. Теперь же ни один из её приёмов не работал, и она не могла понять почему: после месяца изнурительных репетиций результат был так же далёк от совершенства, как и в самом их начале. Всё, чего удалось добиться, это определённой технической отточенности, однако это не тот результат, которым можно впечатлить искушённое конкурсное жюри. Майка попыталась изме-

нить концепцию танца, используя энергию противостояния этих двоих, но это был, конечно, акт отчаяния – самба всё-таки не капоэйра!

Как и следовало ожидать, они не взяли даже третьего места. Да и сама поездка оказалась мучительной. Слишком Молодой и его подружка так усердно изображали любовную идиллию, что даже переигрывали. Остальные раскололись на две неравные группы: те, которые сплотились вокруг Сомовой, шумно играли в карты в её купе, остальные разбрелись по вагону. Большую часть пути в обе стороны Марго провела на верхней полке, спускаясь только в случае необходимости: стоило ей попасть в поле зрения Партнёра, как он принимался с удвоенной энергией тискать свою спутницу, которая повизгивала от удовольствия.

Эти эротические эксцессы вызывали у Марго тошноту. Ей очень не хватало Тамаза, но она не могла понять, в каком качестве. Скорее всего, она просто нуждается в его дружеской поддержке, но могут ли их отношения стать чем-то большим? По мере приближения к дому она всё настойчивей задавала себе этот вопрос. И на рассвете, когда за окном показались первые дома пригородов, она решила, что стоит попробовать.

Попытка обернулась настоящим кошмаром для обоих. Всё шло прекрасно, пока на них ещё оставалась одежда. Но стоило ей почувствовать тяжесть его обнажённого тела, как её руки и ноги скрутила мучительная судорога.

После, когда сидели на диване в тёмной комнате и её голова покоилась на его плече, Марго, собравшись с силами, сказала:

– Прости. Я, видимо, безнадёжна.

– Не говори ерунды. Мы просто поспешили, – возразил он, но в его голосе не чувствовалось уверенности. – Послушай... Может, ты всё-таки девственница?

Марго только вздохнула. Господи, он хоть когда-нибудь бывает серьёзным?!

– Нет, правда! С ними такое бывает...

– Тебе, конечно, лучше знать. Но это так же маловероятно, как непорочное зачатие.

– Жаль...

– Тамаз, имей совесть! Учítывая, что женщин и мужчин примерно поровну, а на твою долю пришлось хотя бы несколько, то девственниц на тебя не напасёшься!

Они грустно рассмеялись: оба понимали, что это конец. Провожая её, он сказал:

– Звони мне на работу, в любое время!

Но она, конечно, не позвонила...

.....

Это было ещё то благословенное время, когда телефонные аппараты имелись далеко не в каждой квартире, и приходилось довольствоваться служебными телефонами, до появления первых мобильных оставалось лет десять. Будь у них тогда мобильники, как знать, в одну из горьких минут она, возможно, и набрала бы его номер. Это был одинокий и трудный год, в течение которого она не раз с благодарностью думала о Тамазе. Она знала, что всегда может рассчитывать если на его привязанность, то, по крайней мере, на его дружбу. Но сначала её останавливала мысль о том, что трубку снимет незнакомый человек, которого придётся просить позвать Тамаза к телефону и ещё, чего доброго, объяснять, кто она такая и зачем он ей нужен. А потом – что он мог уже забыть её, обзавестись новой подругой. Но главное – было бы непростительно пользоваться его добротой, когда она так мало могла дать ему взамен.

Словом, Марго так и не позвонила.

Глава 4. Апология мещанства

Следующий год она помнила смутно. Так бывает, если настроить фотокамеру на большую выдержку: на снимке выйдут отчётливо только неподвижные предметы – например, дома, фонари и улицы. Ну, ещё деревья, если во время съёмки не было ветра. Люди, машины и животные, если они не застыли неподвижно, получатся в виде размазанных силуэтов, передающих траекторию их движений.

Так и память Марго сохранила только линию ближайшего горизонта с очертаниями домов, над которыми всходило, светило и заходило солнце, шёл дождь или падал снег. Всё остальное представляло собой хаотичное месиво из неопределённых, трудноразличимых фигур, событий и слов. Эта протоплазма, как доисторический Хаос, иногда порождала отдельные представления, но они никак не складывались в целостную картину.

Чему немало способствовало само историческое время – конец восьмидесятых. Пресловутая река истории вышла из берегов, сокрушая на своем пути все вехи и ориентиры, снося плотины почти вековых запретов. Из всех динамиков уже соловьём разливался Горбачёв, на всех экранах сияла его завораживающая улыбка – то в окружении толпы, пожирающей глазами своего мессию, то с трибуны очередного эпохального съезда, то в компании мировых лидеров. Народ внимал его речам как музыке – да его и нельзя было слушать иначе: этот поток сознания бурлил не имеющими ни начала, ни конца фразами, единственное назначение которых, казалось, состояло в том, чтобы вызвать в сердцах публики определённые эмоции. Многократные вариации одной и той же темы, перетекая одна в другую, будоражили пьянящим предчувствием свободы и будили самые дерзновенные желания.

Ни один вопрос о том, каким именно способом мы попадём в светлый демократический рай, не получал сколько-нибудь определённого ответа – любые вопросы падали в этот поток, подобно камням, и исчезали бесследно, оставляя на поверхности его речей лишь быстро угадываемые круги. Это было всё равно, что пытаться оракула или гадать на картах: ответы носили столь отвлечённый характер, что могли быть истолкованы как угодно. Что обычно и происходило с вопрошавшими: каждый старался увидеть в словах генсека ответ на свои чаяния и находил его, убеждая себя в том, что оракул имел в виду именно это. А так как страна, подуставшая от бессмысленной деспотии КПСС и Железного занавеса, жаждала свободы – понимаемой максимально широко – то все сошлись на том, что именно о ней вещает их пророк. «Я пришёл дать вам волю!...»¹¹

Сначала его слушали с недоверием и восторженным ужасом. Казалось невозможным, чтобы человек, облечённый властью, действительно имел в виду то, что говорит: гласность, перестройка, ограничение диктата партии... Потом самые смелые (ими оказались журналисты) попытались повторить эти мантры публично, и – о чудо! – им ничего за это не было!

И тут Остапа понесло. Или, если говорить словами самого Горбачёва, процесс пошёл. Выползло на свет всё, что десятилетиями пряталось в тёмных щелях забвения, загнанное туда страхом преследований. Все застарелые пороки и зловонные язвы режима подверглись публичному обсуждению – страна превратилась в гигантскую прачечную, на всём пространстве которой мылось, полоскалось и вывешивалось на всеобщее обозрение заскорузлое и свежее грязное бельё. Железный занавес был сокрушён, и через границы в обе стороны хлынули потоки авантюристов и мошенников, за которыми вскоре последовали наиболее предприимчивые граждане с плетёными клетчатými торбами.

Ещё год-другой – и станут обычным делом спортивные сумки, туго набитые пачками рублёвых или долларовых купюр: так будет перевозиться выручка от сомнительных операций.

---

¹¹ Аллюзия на роман В. Шукшина о Степане Разине.

Улицы старинных городов покроются струпьями коммерческих ларьков и палаток, площади и стадионы – язвами вещевых рынков, сочащимися зловонным криминалом, который, в виду полной безнаказанности, примется поглощать самых молодых, отважных и сильных, сколачивая из них банды. Этим бандам, наводящим ужас на подконтрольные территории, скоро станет тесно на вещевых рынках, и тогда оргпреступность примется за промышленность – сначала местную, средней руки, потом и за крупную – но не затем, чтобы вдохнуть новую жизнь в старые заводы и сделать их прибыльными. Всё это требует знаний, вложений, дисциплины и, самое главное, времени. А жить красиво хочется уже сейчас! И промышленные гиганты, гордость советской индустрии, в цехах которых десятилетиями ковалась мощь державы, будут разобраны на запчасти и распроданы в страны третьего мира, превратившись в дорогие иномарки, уродливые особняки за трёхметровыми заборами, пухлые кошельки и побрякушки для самых доступных красоток. Остатки могущества СССР осядут в банках по всему миру – главным образом, в тех, которые гарантируют своим клиентам тайну вкладов и минимальные налоги...

Но всё это будет потом. Пока же народ с наслаждением обживался в новом для него пространстве демократии и свободы слова, ещё не догадываясь, какую цену придётся за это заплатить.

.....

Так миновали осень, зима и весна. Марго, и без того довольно замкнутая, совсем ушла в себя. И, судя по обрывкам воспоминаний, подолгу без особого интереса пялилась в телевизор, так как всё, что она могла вспомнить об этом времени, это фрагменты тех странных прямых эфиров, во время которых экстрасенсы «лечили» страну посредством телевизионных сеансов, «заряжали» воду и снадобья, заботливо выставленные перед экраном легковерными согражданами. Возможно, жаргонное словечко лечить, которым сегодня обозначают процесс нудных увещательных разговоров, родом как раз оттуда...

Ещё она писала стихи – ночи напролёт металась в скомканной постели, перемывая в голове груды словесного песка в поисках того единственного самородка, в котором засияет искомый смысл, а потом нанизывая эти самородки на ожерелья строк. Её мысли были заняты этим почти постоянно – то немного, что сохранила память об этом времени, это – помимо ночных бдений – ощущение себя, идущей по улице и складывающей стихи. Они не сохранились, эти исчерканные вдоль и поперёк записные книжки. Но иногда, если жизнь любезно подсовывала дежавю – особое солнечное пятно на занавеске, связанное с ним сочетание запахов или звуков – толща памяти выталкивала на поверхность с самого дна давно забытые строчки, вроде этих:

Уходят в землю родники мои —
В глубины, в тайны, в запертые храмы.
И там, у сердца раскалённой раны,
Кипят в забвеньи... или в забытии?
Я стала степью – и ровней, и проще.
Вот только где испить теперь воды?
Когда невзгоды вырубили рошу
Стремлений чистых, честных, молодых —

Уходят родники...

Её одиночеству способствовало и то обстоятельство, что друзья юности как-то все вдруг обзавелись семьями. Они, конечно, и теперь были рады встречаться – может быть, даже охотней, чем раньше, когда для этого достаточно было набрать номер или просто выйти из дома: ведь только лишившись чего-то, мы начинаем сознавать его подлинную цену. Но их мысли и время теперь почти без остатка принадлежали дому. Навешая друзей, нянча их новорождён-

ных детишек, Марго ещё острее чувствовала себя отрезанным ломтем и, стыдно признаться, немного завидовала этим житейским заботам, таким далёким от её поэтических грёз.

.....
Словом, она плыла по течению, бросив вёсла, и равнодушно созерцала проплывающие мимо берега. Так, в один из июньских дней, её лодку прибило к Лилькиному берегу – наверное, потому, что Лилька, одна из немногих её однокурсниц, никуда не уехала из города и тоже оставалась незамужней.

По правде говоря, выходить замуж Лильке было незачем – ну, разве что ради удовлетворения естественной потребности свить собственное гнездо. Едва ли её избранник, кем бы он ни был, мог сделать её счастливей, чем была она в доме своих родителей (если не рассматривать вариант со сказочным принцем). Она и не спешила, хотя кое-какие романтические эпизоды в её жизни время от времени всё-таки случались. Но Марго сомневалась, чтобы у Лилькиных кавалеров были хоть какие-то шансы, потому что составить её счастье мог только человек, чьи щедрость, доброта и чувство юмора были соизмеримы с её отцом, дядей Вахангом, он же Ваха, или Вахо, как любовно звала его жена. А теперь, как известно, таких не делают. Наверное, по принципу контраста, в виду полной невозможности встретить второго дядю Вахо, Лильке нравились парни байронического склада – томные страдающие эгоисты, непонятые гении. Чувство, которое она к ним испытывала, было сродни материнскому, и эти печорины самоабвенно плакались ей в жилетку, однако дальше этого дело не шло.

Несмотря на щедро расточаемое дочери обожание – а, может, как раз из-за него – у дяди Вахо имелся единственный пунктик, который ужасно осложнял Лильке жизнь: она обязана была до восьми вечера вернуться домой. Все её мольбы, истерики и протесты ни к чему не приводили – отец был непреклонен. «Я уже давно совершеннолетняя!» – вопила Лилька из прихожей. «Серьёзно? Ты думаешь, убийцу или насильника это остановит? Будешь показывать ему паспорт?» – отвечал дядя Вахо из своей комнаты, или из курятника, или из огорода, смотря по тому, куда он удалялся, очередной раз отрезав нет на её просьбу задержаться чуть подольше. Но Лилька не оставляла попыток.

Район, где они жили, и правда, пользовался плохой репутацией. Расположенный у самой конечной трамвайной петли, он был, в сущности, окраиной, протянувшейся вдоль железной дороги, позади складов и подъездных путей. Их улица никогда не знала асфальта, пробираться по ней приходилось через колдобины, местами присыпанные щебёнкой, а в сырую погоду – по непролазной грязи.

Но самым удивительным был их дом. На их улице таких домов осталось, кроме Лилькиного, ещё два или три, остальные уже снесли. Говорили, что их строили пленные немцы сразу после войны. Так это или нет – неизвестно. Возможно, кто-то однажды высказал такое предположение, и оно было подхвачено местным населением. Во всяком случае, эти дома были совершенно не характерны для владикавказской частной застройки, отдающей предпочтение кирпичу и камню. Эти же дома были деревянными от фундамента до конька крыши – что, кстати, и послужило одним из косвенных оснований для их сноса: власти нашли их слишком пожароопасными. Кроме того, они, в отличие от большинства местных построек, располагались в глубине участков.

Наши города – песня особая. Нигде на южных рубежах России вы не увидите уютных деревень или городских окраин с палисадничками под окнами, отделенными от улицы только прозрачным, чуть больше метра в высоту, штакетником, выкрашенным в весёлые цвета. Кавказские города и сёла застраивались как крепости, всегда готовые к отражению набега: дома в них стоят плотно друг к другу, стены выходят непосредственно на тротуар или проезжую дорогу. Все хозяйственные постройки, скотный двор и птичник, сад и огород – словом, система жизнеобеспечения – расположены позади. В общем, улицы выглядят так, будто их жители собрались держать длительную оборону.

Дом Лилькиных родителей в сравнении с ними выглядел трогательно незащищенным. Он стоял посреди небольшого земельного участка, обнесённого невысоким забором из штакетника. Со стороны крыльца участок был засажен кустами роз и гортензий, сирени и жасмина, а всё пространство между ними занимали растения поменьше – предмет неустанных Лилькиных забот: хризантемы и ирисы, тигровые лилии и флоксы, и много чего ещё. Всё это поочередно цвело с ранней весны до поздней осени, украшая вид из окна Лилькиной комнаты.

Позади дома, под старыми фруктовыми деревьями, располагалось хозяйство: курятник, клетки с кроликами, хлев с поросёнком. А перед верандой, выходящей в переулок, были разбиты аккуратные грядки с зеленью и сезонными овощами. Это был хлебосольный и приветливый дом, похожий на пожилую тётушку, не слишком озабоченную своим нарядом, маникюром и причёской, но опрятную и уютно пахнущую свежей выпечкой: о ней не вспоминаешь неделями, но в любой нужде и с любой бедой ты стучишь именно в эту дверь, будучи уверен, что всегда найдёшь у неё утешение и помощь.

В просторной, темноватой прихожей было три двери: в большую светлую кухню, в ванную и в маленький коридорчик. Из коридорчика можно было попасть в Лилькину комнату, в гостиную, смежную с родительской спальней, и – по скрипучей деревянной лесенке – на антресоли. Там, под самой двускатной крышей, была Лилькина спальня, бывшая детская, самая тёплая комната в доме, так как весь угол в ней занимал дымоход газовой печки.

Прихожую и ванную пристроили уже после Лилькиного рождения, как и крошечный туалет под лестницей, на месте бывшей кладовки.

Комнаты дома были оклеены весёленькими обоями, на подоконниках стояли горшки с бальзаминами и геранью, фиалками и роскошными глоксиниями; с этажерок и сервантов свисали хрупкие плети традесканций, а вокруг окон вились какие-то лианы. Марго часто думала, что этим комнатам, с их простодушной прелестью, очень подошли бы пресловутые слоники – где-нибудь на комодке, на кружевной вязаной салфеточке – Бог ведь почему объявленные признаком мещанства в достопамятные советские времена с их пафосной эстетикой созидания. Но чем, скажите на милость, виновато мещанство?

Большую часть её жизни – на протяжении всего пионерского детства и комсомольской юности и, в силу инерции, ещё долго потом – слова мещанский и мещанство использовались как ругательство, как синоним дурного тона. Их произносили с презрением, брезгливо наморщив нос. Ничего удивительного: советский строй, провозгласивший главенство общественного, оставил за личным пространством лишь скромную роль места ночлега, где гражданин отдыхает между трудовыми подвигами. Считалось, что всё сколько-нибудь существенное в жизни советского человека должно происходить публично, в коллективе, а дом – место второстепенное, вспомогательное, закуток для сна и личной гигиены. Ну, ещё, может быть, для зачатия новых строителей коммунизма. Людей следовало вырвать из их жилищ, направив всю их энергию на построение могучей социалистической державы, поэтому любые попытки украсить своё жильё, сделать его приятным для обитания – уютным, ласкающим взор и приспособленным для приятных досугов – клеймились словом мещанство, за которым закрепилось представление о чём-то убогом, жалком, недостойном высокого звания советского человека.

Но в состязании с Природой человек всегда проигрывает – даже тогда, когда ему кажется, что он победил. Когда советские идеологи с пафосом цитировали слова тургеневского Базарова: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник!» – они почему-то не принимали во внимание, что автор этой гордой сентенции умер молодым, заразившись от больного во время эпидемии тифа.

А всё потому, что человек, даже став сапиенсом, не перестал быть частью природы. Он продолжает оставаться млекопитающим, подверженным всем её стихиям, и, вопреки усилиям государства, сохраняет потребность иметь своё логово – нору, берлогу, пещеру – где он мог бы укрыться от холода и непогоды, растить своё потомство, куда он может приползти, чтобы зали-

зять раны. Поэтому, даже перебравшись из бараков и подвалов в коммуналки, а из них – в хрущёвки, люди продолжали именно их считать главным местом своей жизни – а отнюдь не светлые цеха заводов и фабрик, как писали советские газеты.

Да и что это значит – мещанство? Как говорил Козьма Прутков, зри в корень: мещанин – это житель места, то есть города. Русский язык подзабыл это слово, а вот в украинском оно живо до сих пор: мисто Харьков, мисто Полтава... То есть мещанин – это горожанин, или, что то же самое, гражданин. Поэтому мещанство – не что иное, как цивилизация, буквально: городская жизнь. Так почему же вдруг цивилизация – это хорошо, а мещанство – плохо? Ответ на этот вопрос не делает нам чести: со времён Петра в нас укоренилось чувство национальной неполноценности, заставляющее с пренебрежением относиться ко всему отечественному и преклоняться перед европейским. То есть цветущие герани на окошках и те же вязаные салфеточки где-нибудь в Германии – это цивилизация, а ровно то же самое у нас – мещанство, фу!

Так вот, одни из самых счастливых часов своей студенческой молодости Марго провела в Лилькином доме. Благодаря неусыпным заботам дяди Ваха и тёти Любы, этот дом продолжал оставаться полной чашей, что бы там ни происходило вокруг. И во времена советского дефицита, когда за самыми обычными продуктами выстраивались очереди, и позже – когда Союз рухнул, а продукты исчезли вовсе и их стало сложно приобрести даже по талонам. Дядя Ваха с тётей Любой всё, что могли, производили на своём крошечном клочке земли, этом оазисе посреди растущего города. То, что когда-то было окраиной, конечной остановкой трамвая, где рельсы закладывали петлю и исчезали в воротах трамвайного парка, постепенно превращалось в обычный спальный район с многоэтажной застройкой. А этот деревянный дом продолжал жить – даже тогда, когда его собратья, покинутые жильцами, превращались в руины.

Дело в том, что по документам Лилькин дом, как и другие такие же, был давно снесён. Но, как это часто у нас бывает, документы на квартиру, в которую должны были переселить их семью, получили родственники какого-то местного божка, гордо восседающего на своём муниципальном олимпе и ведающего распределением жилья. Сложилась абсурдная и совершенно тупиковая ситуация: по документам дома нет, а по факту – есть! Поэтому, когда городские коммунальные службы донимали хозяев требованиями оплатить счета за воду, газ, электричество и так далее, те показывали им документ, согласно которому данного лицевого счёта больше не существует. А когда приходили жилищные власти с требованием освободить подлежащее сносу строение, хозяева показывали им ордер на квартиру и предлагали выяснить, кто в ней сейчас живёт. Пока тянулась эта сказка про белого бычка, прошли годы, вокруг Лилькиного дома вырос микрорайон, а дом всё стоял на своём месте, как крошечный заповедник тихого семейного счастья.

Заповедник мещанства, если угодно.

Почему бы нет? Такие заповедники стоило бы строить в каждом мегаполисе – чтобы его жители, которые в погоне за постоянно ускользающим наслаждением множат пороки и извращения, могли остановиться и понять: счастье лучше, чем наслаждение. Оно никогда не приедается, не вызывает привыкания и зависимости. Не требует новой дозы острых ощущений. И для него, в сущности, не так уж много надо...

Глава 5. Дары волхвов

Интересно, что имел в виду Создатель, сотворив человека таким образом, чтобы тот долго и мучительно приобретал опыт, необходимый для счастливой и праведной жизни? Почему было не сделать нас изначально мудрыми? Что хорошего в том, что большую часть своей жизни мы проводим в темноте и невежестве, с упорством обречённых повторяя все ошибки своих предков? Терпим боль и причиняем её сами, чтобы прийти к тому же самому результату, к которому шли многие поколения до нас? Если конечной целью человеческого бытия является построение Царства Божьего, то разве не разумней было бы устроить так, чтобы каждое следующее поколение начинало с того места, где остановилось предыдущее, и двигалось дальше?

Не знаю, как вам, а для меня версия о каре, постигшей Адама и Еву за то, что они вкусили плод с Древа познания Добра и Зла, выглядит не очень-то убедительной. Недостойной Господа Бога. Внутренне противоречивой. Тут, извините, либо Высший Разум – либо капризный ребёнок, слепивший себе, чтобы скрасить досуг, двух послушных кукол. И, когда эти куклы нарушили правила игры, выбросивший их с проклятиями на грешную землю. То есть Господь либо не ведал, что творит, и тогда он не Великий Бог, а один из вздорных языческих божков, завистливых и мстительных; либо Он намеренно обрёл на страдания именно этих двоих, что как-то не вяжется с Его хвалёным милосердием.

Допустим, он поступил так, чтобы реализовать какую-то ему одному известную сверхзадачу. Например, построение совершенного мира.

Но если так, то не будет ли цель достигнута скорее, если дети станут продолжать движение к ней с той самой точки, где остановились родители? Представьте, что вы строите дом. Вы учитесь, трудясь. Тратите на это все свои силы. Здание постепенно начинает обретать очертания, вас согревает мысль, что вы не зря коптите небо, и тут – ах, досада! – вы умираете. Но заказчик, избавившись от вашего трупа, вместо того чтобы продолжить дело ваших рук, нанимает новых, неопытных строителей и велит им опять начинать с фундамента.

Не вижу в этом никакого смысла.

«Видишь, как человек пашет, и думаешь: вот он по капле с потом силы свои источит на землю, а потом ляжет в нее и сгниет в ней. Ничего по нём не останется, ничего он не видит с своего поля и умирает, как родился, – дураком...» – говорит старый цыган Чудра¹². «Что ж, – он родился затем, что ли, чтоб поковырять землю, да и умереть, не успев даже могилы самому себе выковырять? Ведома ему воля? Ширь степная понятна? Говор морской волны веселит ему сердце? Он раб – как только родился, всю жизнь раб, и все тут!»

Но, может, виноваты мы сами?

Как рассказывает Священное Писание, две тысячи лет назад мудрецы увидели, что на небе зажглась новая звезда, и поняли: родился Тот, Кто спасёт род людской. Они пошли за этой звездой – и в хлеву, на окраине Вифлеема, нашли Марию с Иосифом, а в яслях – младенца Иисуса. Семья скрывалась от слуг царя Ирода, узнавшего из пророчества о рождении нового царя и пославшего убить всех младенцев в Земле Иудейской, дабы не позволить сопернику отнять трон. Поэтому Спаситель и родился в хлеву, среди овец. Мудрецы – Писание зовёт их Волхвами – принесли Спасителю свои дары, и он не обманул их ожиданий, потому что был истинным Сыном Божьим...

Мы все – дети Божьи: ведь сказано же, что первых людей, Адама и Еву, Он создал по своему образу и подобию. И каждому из нас, в свой час, являются волхвы со своими дарами. Но только мы не видим этих даров. Или видим, но не понимаем их значения. Играем ими, как

---

¹² А.М.Горький, «Макар Чудра».

обычными игрушками. Ломаем и портим – а потом наши родители выбрасывают их, как ненужный хлам. И поэтому, вырастая, мы уже не можем узнать, для чего предназначал нас Создатель. Мы мучительно ищем себя: блуждаем в потёмках собственной души, ошибаясь и падая. Иногда отголоски младенческих воспоминаний сохраняют нечёткие образы этих даров – даже не образы, а осколки впечатлений от того, как мы держали в руках свою судьбу. Мы пытаемся вспомнить, на что это было похоже, и примерить к себе теперешним – не попадалось ли нам что-нибудь подобное? Пробуем то и это и, не находя Смысла, спрашиваем себя: а может, его и нет? Глупцы.

А ведь, пожалуй, жизнь полна таких даров, и наша дорога утыкана знаками не хуже тех, что указывают на повороты, дорожные развязки и населённые пункты. Но мы игнорируем их, принимая за обычные элементы пейзажа – а потом рыдаем и жалуемся на то, что судьба к нам несправедлива!

Может, память человечества уже две тысячи лет так бережно и подробно хранит всё, что касается жизни Иисуса, в том числе и потому, что он единственный не растерял своих даров и до конца исполнил своё предназначение? Ладно, не единственный – но один из немногих?

Хранит как образец ясного ума и верности своему долгу. Как инструкцию к этому миру.

Мы же, вместо того чтобы следовать ей, превратили её в фетиш и молимся на неё в надежде на чудо. В то время как чудо не происходит само по себе, это всегда результат чьей-то упорной работы, в том числе и духовной (а любая работа является духовной, если ею руководит дух – ясное понимание цели и воля к её достижению). Чудо – это всегда результат сверхусилий, которые мы трусливо игнорируем, замечая только результат. Почему игнорируем? Ну, это же очевидно: кто-то взял на себя нашу часть работы, а мы пришли на готовенькое. Но нам стыдно в этом признаться, и мы придумали удобное для нашей совести объяснение: чудо! И беззастенчиво присваиваем его, словно чудо – это явление природы, само выросло. А то, что растёт в лесу, как известно, общее.

Так и влачим своё жалкое существование, большую его часть проводя в брюзжании на несовершенство мира и пребывая в уверенности, что мы достойны лучшего. А также в том, что это лучшее нам должен обеспечить кто-то другой. Упрямо стараемся не видеть собственной бесполезности и несостоятельности. Убеждаем себя и окружающих, что мы делаем всё, что положено – а значит, извольте-ка! И окружающие охотно подхватывают эту песню, так как сами такие же: «Ты меня уважаешь, и я тебя уважаю – значит, мы уважаемые люди!»

А ведь если вдуматься, почти единственное, что мы вменяем себе в заслугу, это то, чего мы не делаем. А именно: не нарушаем законов – по крайней мере, явно. По крайней мере, законов государства. В самом лучшем случае – божьих. Тоже мне, велика заслуга! Особенно если учесть, что эта законопослушность в подавляющем большинстве случаев держится на страхе юридического преследования или Божьего суда, а вовсе не на убеждении, что это правильно.

Вот и получается, что все наши достижения измеряются в отрицательных величинах, то есть на шкале между Добром и Злом располагаются где-то около нуля. «Хороший муж – это тот, который не пьёт, не бьёт и не гуляет». С тем, чего он не делает, всё понятно. А как быть с тем, что он всё-таки делает? К примеру, если он валяется на диване и пялится в телевизор, нигде не работает, предоставив это жене, не занимается воспитанием детей, он всё равно сохраняет за собой право считаться хорошим мужем? Серьёзно? «Ну ладно, он же никому не причиняет вреда». Правда? А как быть с последствиями его бездействия? С подорванным здоровьем жены, которая стареет и часто умирает раньше времени? С детьми, которые не получили ни любви, ни правильного воспитания, потому что матери приходилось работать за двоих, а отцу было наплевать? Но когда он умрёт, над его гробом кто-нибудь из близких обязательно произнесёт: был хорошим отцом и мужем. Заговор молчания: о мёртвых или хорошо, или ничего.

А между тем есть свидетель, изобличающий нашу подлость и трусость. Свидетель беспристрастный, неподкупный и – самое главное! – неустранимый. Практически бессмертный.

Наш язык.

Он расскажет о нас всё – как на духу! Надо только прочесть его показания.

На чужом горбу в рай въехать. Чужими руками жар загребать...

Эти и сотни других пословиц возникли ведь не на пустом месте.

Как и обычай называть словом дар не только вещицу, приятное подношение, но и способность к чему-нибудь, талант делать что-то очень хорошо, лучше других. Возможно, это и есть наш дар волхвов, преподнесённый каждому при рождении. И непростительно относиться к нему так, словно это подарок, который нас ни к чему не обязывает. Всё-таки дар и подарок – это разные слова! Подарок ты можешь использовать, а можешь убрать с глаз долой или даже выбросить. Дар – это всегда обязательство. В отличие от подарка, его невозможно передать другому: он спаян с твоей личностью, имеет непосредственное отношение к твоей судьбе. И он делает тебя счастливым только тогда, когда ты его используешь. Дар определяет твоё место в этом мире, и если ты его игнорируешь, то будь готов к тому, что это место будет занято другими, а тебя задвинут на обочину, как бракованный экземпляр.

Впрочем, Господь в неизречённой милости своей – или, если угодно, снисходительная к нашим слабостям Судьба – не особо надеясь на нашу сообразительность, расставляет на нашем пути и другие вехи, указующие путь. Книги. Людей. События. Как было сказано выше, мы часто проходим мимо, принимая их за часть пейзажа. Поэтому они разбросаны на нашем пути так густо, что мы порой спотыкаемся о них. И тогда, ругаясь, мы всё же вынуждены сделать остановку. Которой иногда бывает достаточно, чтобы изменить направление нашего движения, подтолкнуть в нужную сторону.

Но иногда, даже споткнувшись, даже разбившись в кровь, мы с упорством обречённого возвращаемся на протоптанную дорожку. Потому что, идя по ней, мы точно знаем, куда она приведёт. Или думаем, что знаем – ведь все туда идут, а все не могут ошибаться! Даже если на ней встречаются препятствия, то они – знакомое зло. Не страшное. Мы видели тех, кто прошёл до конца, и с ними ничего плохого не случилось.

Но и ничего хорошего – тоже. Потому что счастье не ходит протоптанными тропинками. Путь к счастью у каждого свой, и это всегда риск.

И, кстати, о счастье. В сердцеvine этого слова запрятано другое – часть. Твоя часть божественного замысла. Которую можешь исполнить только ты – и никто другой. И которая в то же время является частью тебя. Только когда ты с частью – со своей частью – будет тебе и блаженство, и радость. С-частье – не что иное, как способность идти предначертанным тебе путём. Не следствие твоих действий, а их причина.

Глава 6. Вино из дикой черешни

За этот год душа Марго окуклилась в своём горе, как гусеница, которая, перед тем как стать бабочкой, покрывается твёрдой оболочкой. Эта куколка прячется где-нибудь под листом и кажется мёртвой. Но под плотной, как гипсовая повязка, корой происходят важные метаморфозы: червячок, на которого невозможно было смотреть без гадливости, растит крылья и набирается сил. И когда превращение завершится, появится новая сущность, которая разорвёт тесную оболочку и воспарит, радуя глаз своей недолговечной красотой. Подобно легкокрылому эльфу, она станет перелетать с цветка на цветок, торопясь собрать все уготованные ими наслаждения: напиток росы и нектара, собрать пыльцу – затем, чтобы дать жизнь следующему поколению мотыльков и умереть...

Итак, Марго была куколкой: звуки и запахи окружающего мира отскакивали от её оболочки, не достигая своей цели. В эту-то пору она и наткнулась на Лильку. Та как раз пребывала в радостном возбуждении: старший брат приехал в отпуск!

– Ты обязательно должна к нам прийти! – щебетала она. – Котик пробудет здесь всего две недели. Потом мы с ним заберём у Риты детей и повезём их на море.

Он оказался совсем не таким, каким она ожидала его увидеть, полагаясь на Лилькины восторженные рассказы, – может, поэтому и не узнала. Не тот, увидав которого счастливица Ассоль воскликнула: «В точности такой!», потому что именно его она себе вымечтала. Её, Марго, Грэй остался, как она думала, в прошлом и оказался вовсе не Грэм: рассветное солнце, которое бросило обманчивые алые отблески на паруса его шхуны, поднялось в зенит, и паруса вылиняли до будничного грязно-белого цвета, а шхуна отчалила от её берега. Сказочке конец!

Чуть выше среднего роста, темноволосый и светлокожий, как многие его земляки, он представлял собой среднее генетическое обоих своих родителей и показался двадцатитрёхлетней Марго не то чтобы старым, но... не первой молодости человеком (о, эта роковая тяга к слишком молодым!). Они расположились под старым раскидистым тутовым деревом, накрывшим едва не половину участка и даже забросившим несколько отягощённых ягодой ветвей в соседские владения. На деревянный садовый стол, застеленный потёртой клеёнкой, то и дело падали чёрные спелые ягоды, иногда попадая в разномастные салатники и блюда с аппетитной снедью. Лилька ловко вылавливала их из соусов и закусок, отправляя в рот, а остальные подбирали со стола, из-за чего языки и губы у всех скоро стали фиолетово-чёрными. «Старики» скоро оставили молодёжь: тётя Люба ушла в дом гладить бельё, поднялся и дядя Вахтанг:

– Пойду, почищу у кролей, пока не стемнело...

Между блюдами возвышались бутылки с разнообразными наливками домашнего – отцовского – изготовления: из вишни и смородины, кизила и облепихи, и даже из дикой черешни – «экспериментальная», по словам хозяина. Лилька отпила из рюмки абсолютно чёрную и тягучую, как смола, жидкость и скривила рожицу:

– Как лекарство!

– Не нравится – не пей! – отозвался дядя Вахтанг от крольчатника.

– Пусть пьёт, па! – ответил Котик. – Ей полезно, от вредности!

– Ах, ты!.. – вскинулась Лилька с комичной яростью. – Вот я тебе сейчас!..

Котик расхохотался, закрываясь руками и одновременно ловя летящие в него туловины:

– Вот чокнутая! Рубашку сама будешь отстирывать. Лечиться надо, это я тебе как врач говорю!

Марго поднесла свою рюмку к лицу. Пахло вишнёвыми веточками, за которыми мама посылала её во двор, когда закатывала огурцы на зиму – для маринада. Длинные тонкие плети гнулись, но не ломались, и приходилось долго крутить их в месте сгиба. Поэтому, когда наконец ветка оставалась в руках, её конец походил на кисточку для клея, а пальцы ещё долго

пахли древесным соком. Она боязливо пригубила напиток. Он оказался сладким и горьким одновременно, бархатистым и немного пряным, и довольно крепким. У Марго стало горячо во рту и в горле, а потом густая струя проникла к самому сердцу, обхватив его, как котёнка, осторожной и ласковой рукой. Она смотрела на забавную потасовку между Лилькой и её братом недоверчивыми глазами человека, которому только что сообщили, что смертельный диагноз снят, и он будет жить...

Наутро хмель прошёл, но радостное изумление осталось. Марго осторожно открыла глаза и оглядела комнату. Это была та же самая комната, в которой она попеременно то любила, то мечтала умереть. Белые занавески с бамбуковым узором, простенькие обои, светлая мебель, полки с книгами. Потёртый бабушкин ковёр на паркетном полу... Но было смутное чувство, что вчера она получила дорогой и очень хороший подарок, который лежит где-то здесь и ждёт, чтобы она развернула его холодными от волнения пальцами. Вот только где?

Это чувство не покидало её, пока она пила свой утренний кофе и собиралась на работу, и после весь день – она осторожно ходила между стеллажами маленькой районной библиотеки, где укрылась после диплома, отказавшись от лестного распределения в одну из лучших школ. Ходила так, словно боялась расплескать его. А вечером, заперев дверь библиотеки, обернулась и обнаружила Котика. Он смотрел на неё поверх букета невероятных чёрных роз – смотрел вопросительно, почти с мольбой, и в то же время насмешливо, как это мог только он...

Эти его розы! Где он только их находил? Мистические чёрные. Белые, с огромными, почти в ладонь, лепестками. Сентиментально-розовые. А однажды принёс веточку шиповника из сада своих родителей и, извиняясь, пробормотал:

Белый шиповник,
Страсти виновник...

Розы смотрели на Марго из всех углов её крошечной квартирки, источая густой аромат, и все эти незабываемые две недели они втроём ходили в кино и гуляли, ездили в горы на выходные. Почти каждый вечер он приводил её к себе («Ты же не против? Мама и папа будут рады: мы редко видимся...»). Подходила к концу первая неделя, когда Лилька, затащив подругу под каким-то предлогом в свою комнату, выпалила оглушительным шёпотом, опасливо поглядывая на дверь:

- Он в тебя влюбился!
- Что?.. Неет, брось, – недоверчиво отмахнулась Марго.
- Я тебе говорю! Я же знаю своего братца как облупленного! Втрескался по самое дальше некуда!
- Не говори ерунды, он же на восемь лет старше меня!
- И что?!
- Как это «что»?! Ты разве не видишь: мы для него – девчонки!
- Какие такие «мы»? Ты не сравнивай. Ты ему не сестра!
- Подумаешь...
- Вот именно! Подумай! – Лилька постучала себя кулаком по лбу. – Стал бы он таскать тебе снопами все эти розы, ха!
- Постой, – Марго перехватила Лилькину руку. – Ты ему про меня что-нибудь рассказывала?
- Ну... – Лилька неопределённо повела глазами. – А причём тут это?
- Рассказывала или нет?
- Разумеется, рассказывала. Как ты себе представляешь – не сказать родному брату, с кем я его собираюсь познакомить? Это что, секрет?
- Не прикидывайся. Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду!
- Ну, ладно. Я сказала, что у тебя был неудачный роман.
- Пфффф!..

– А что здесь такого?

– И ты после этого удивляешься, что твой брат таскает мне «снопами» розы?

– А ты, конечно, решила, что это акт милосердия? – Лилька рухнула на старенький, продавленный диван и рассмеялась – впрочем, немного театрально: прижимая к животу руки и сгибаясь пополам. – Ой, не могу, держите меня!

«А разве нет?» – подумала Марго, вспомнив Тамаза.

После этого разговора она стала исподволь наблюдать за Котиком. Однако ей по-прежнему казалось, что он обходится с ней почти как с Лилькой – ласково, но слегка покровительственно и немного насмешливо. Конечно, она раньше никогда его не видела и поэтому просто не знала другим, но всё-таки нельзя исключать, что Лилька принимает желаемое за действительное. Поэтому Марго не очень удивилась, когда накануне отъезда Котик отправился провожать её один, без сестры.

Он увлечённо рассказывал о своей службе в медсанчасти под Полтавой, смешил её до слёз историями из жизни военного городка и сам смеялся с ней вместе. Отсмеявшись, помолчал и спустя какое-то время спросил:

– Ты когда-нибудь была в Киеве?

– Нет. Какой он?

– А ты приезжай, я тебе всё покажу!

Марго растерялась.

– Когда?

– Когда захочешь. Лучше, конечно, летом. Красивее, да и тепло.

– Но как же твоя служба?

– А, пустяки. Что-нибудь придумаю! – И, видимо, почувствовав её сомнения, добавил уже серьёзно: – Просто отправь мне телеграмму, когда возьмёшь билет. Я тебя встречу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НЕВОЛЬНИК ЧЕСТИ

Глава 1. Маугли

Это было трудное, но необходимое решение.

Костя сидел в дежурке клиники и держал в руках трубку телефона, в которой ещё пульсировали раздражённые короткие гудки прерванного разговора: жена на том конце провода дала отбой. Он без труда представил её палец с аккуратным пунцовым ногтем на рычаге телефонного аппарата «под старину» в доме её родителей. Чувствовалось, что Рита силится говорить спокойно, чтобы они не догадались о его ответе. Костя посмотрел на трубку так, словно она могла дать ему совет, что же делать дальше. Утром, когда он вернётся с дежурства, Риты уже не будет дома. Но грозы не избежать, его жена не из тех вспыльчивых, но отходчивых женщин, которые прощают так же легко, как и сердятся. Она будет лелеять свою досаду с холодным сердцем. «Гнев – это блюдо, которое следует подавать холодным» – в самый раз про неё.

Она никогда не устраивала ему сцен в общепринятом смысле, который подразумевает бурное выяснение отношений – с криками, швырянием попавшихся под руку предметов, потёками туши на щеках и уж тем более с битьём посуды – тех самых сцен, которые рано или поздно заканчиваются столь же бурным примирением в постели. Такого рода эксцессы Рита считала ниже своего достоинства, так как они были, по её мнению, иррациональны, лишены всякого смысла. У неё были свои собственные, чётко выверенные представления о правильном и неправильном, и если чьи-либо поступки выходили за рамки этого неписаного кодекса, то их виновник получал строго отмеренную, пропорциональную провинности долю остракизма, каковая имела целью осознание им собственной неправоты и полное, безоговорочное раскаяние.

Вот и теперь, он был уверен, она вынесла ему свой приговор и приступила к его исполнению. Она не станет, как выражается Лилька, копить злобу с тем, чтобы обрушить на него всю силу своего разочарования – просто поставит его перед фактом, и этот факт, Костя знал, ему не понравится.

Она никогда не повышала голоса – напротив, была безупречно вежлива. Ему так и не удалось понять, как ей удавалось сделать пребывание в одном помещении с ней настолько невыносимым, что уже через пару часов он был готов согласиться на любые условия, лишь бы не видеть этого безразличного, постороннего лица. Видит Бог, вся их недолгая совместная жизнь и без того держалась единственно на компромиссах, причём почти исключительно с его стороны! Стараясь быть справедливым, Костя попытался припомнить хотя бы один случай, когда его жена хоть в чём-то уступила ему. Это оказалось нетрудно: такие ситуации можно было пересчитать по пальцам одной руки. Но ни одна её уступка не приносила ему удовлетворения, потому что сопровождалась длинным списком условий капитуляции, сводившим на нет полученное согласие.

Однако теперешняя ситуация стала тем пределом, дальше которого уступать он не собирался...

В дверь постучали, и следом, не дожидаясь ответа, просунулась голова дежурной медсестры.

– Константин Вахтангович, почему у вас всё время занято? Звоню, звоню! Зайдите в одиннадцатую палату! – бросила она, и тут же послышались её удаляющиеся торопливые шаги.

Он осознал, что всё ещё держит телефонную трубку, положил её на аппарат и поднялся.

.....

Он был уже на третьем курсе академии, когда они познакомились. Тогда он старался в каждое из своих увольнений посетить какой-нибудь музей – было бы странно учиться в Питере и не побывать хотя бы в Эрмитаже! Именно там, в Эрмитаже, он и увидел Риту.

Обычно он пристраивался к какой-нибудь экскурсии, чтобы почерпнуть необходимые сведения о выставленных шедеврах. Это было удобно, так как в любой момент можно было отстать и задержаться подольше, если хотелось рассмотреть что-нибудь не спеша. Потом, при желании, всегда можно «упасть на хвост» следующей компании. Так было и в этот раз: увидев группу туристов, входящую в зал, он пристроился в конце и, когда все остановились возле первого живописного полотна, приготовился слушать.

И был слегка разочарован, услышав прелестный молодой голос, произносивший немецкие фразы. Он невольно повернулся на голос этой сирены, но за долговязыми немцами сначала разглядел только тёмную кудрявую макушку, немного похожую на Лилькину. Не понимая ни слова, он, тем не менее, последовал за группой и, когда расступился лес чужих спин, наконец увидел обладательницу чарующего голоса.

Черты её лица, крупные и довольно выразительные, показались ему почти точной копией портрета, перед которым она стояла – за исключением пудренного парика, неизбежного атрибута галантного века. Он перебрал глазами лица экскурсантов – похоже, что никто, кроме него не уловил этого сходства: их взгляды скользили по поверхности полотна довольно равнодушно, а когда обращались на гида, выражали только вежливый интерес. Он обошёл группу и взглянул на портрет с другой стороны, почти из-за спины гида... Да, наверное, это просто была игра бликов на лаковой поверхности полотна: отсюда изображённая на нём женщина мало чем походила на эту...

Стараясь соблюдать вежливую дистанцию, он следовал за группой из зала в зал, влекомый этим голосом, произносившим непонятные фразы на незнакомом языке. Девушка, конечно, заметила молодого курсанта: переходя в очередной зал, она обернулась к нему.

– Вам что-нибудь нужно? – спросила она, придав голосу выражение профессиональной строгости, но пряча в уголках глаз лукавый интерес.

– Нет-нет! – смешался он. – Простите, если я вас беспокою. Я просто слушаю...

Она приподняла чёрную бровь.

– Вы понимаете по-немецки?

Костя почувствовал, как его лицо помимо воли расплывается в улыбке, и честно ответил:

– Ни бельмеса!

Девушка улыбнулась в ответ, окинула его взыскательным взглядом и, ничего больше не сказав, вернулась к ожидающей группе.

Он следовал за ней до самого конца экскурсии и в гардеробе, перехватив её пальто, раскрыл его перед ней со словами:

– Где я могу вас ещё увидеть? – и добавил: – Пожалуйста!

Одеваясь, она медленно повернулась к нему спиной. Все её движения выражали сомнение. Он прошептал в курчавый затылок:

– Прошу вас...

Она несколько секунд постояла в нерешительности, глядя, как её группа постепенно покидает гардероб и движется к выходу. Проговорила, не оборачиваясь:

– Я должна идти...

Схватила со стойки свою сумочку, сделала несколько шагов к выходу.

– Я приду снова! Буду приходить сюда каждое воскресенье! – сказал он и подумал: какова вероятность, что они ещё раз встретятся? Сколько условий должно совпасть, чтобы их пути опять пересеклись?

Она уже бралась за ручку тяжёлой резной двери – и вдруг остановилась. Решительным шагом вернулась к гардеробу, на ходу доставая из сумки блокнот и ручку, быстро что-то черкнула, вырвала страницу и, оставив её на стойке, исчезла за дверью.

Костя взял в руку листок бумаги с неровно оторванным краем: на нём чётким, с большим нажимом, почерком были написаны несколько цифр и одно короткое слово: Рита.

Он позвонил в тот же вечер. По случаю воскресенья у телефона, висевшего в коридоре общежития, толпились и шумно спорили, дожидаясь своей очереди, курсанты, так что ждать пришлось долго. Костя чувствовал досаду оттого, что его первый разговор с Ритой состоится на фоне чужих голосов и может быть услышан всеми присутствующими, но делать было нечего, разве что дождаться отбоя и прокрасться мимо дежурного. Но звонить незнакомым людям в столь поздний час – даже если они ещё бодрствуют – значило бы показать себя отменным невежей, а он не хотел рисковать.

Он так волновался, что вспотела рука, сжимавшая трубку. Ответят или не ответят? Неизвестно, что пугало больше. Когда на шестом гудке всё-таки сняли трубку и раздалось вежливое женское «алло», он заставил себя поздороваться и попросил к телефону Риту.

– Рита, добрый вечер, это Константин. Мы виделись сегодня в Эрмитаже...

Он пытался вспомнить, что чувствовал в то время, пока длился их роман. Само собой, он к тому времени уже не был невинным юнцом – к третьему курсу за его плечами, как и у большинства его товарищей, имелся некоторый багаж студенческих пирушек в разных пристанищах, иногда весьма сомнительных, которыми всегда был так богат Ленинград, – пирушек, которые часто заканчивались коротким и бурным соитием без всяких обязательств в одном из укромных уголков этих обшарпанных жилищ. Такого рода приключения претили ему, и наутро он мучился не только головной болью, но и стыдом, в чём никогда не признался бы своим менее взыскательным однокурсникам. Однако, будучи медиком, понимал: природа всё равно возьмёт своё, и молодому голодному телу необходимо время от времени выпускать пар. И он смирялся с собственным несовершенством в ожидании той самой встречи, которая позволит искупить прегрешения молодости.

Рита удивляла его. В самом начале их романа он испытывал благоговейный восторг, даже просто думая о ней, не говоря уже о тех часах, что они проводили вместе. Она уже заканчивала университет. Отец, занимавший не последнюю должность в ленинградском горкоме, устроил ей – своему единственному ребёнку – стажировку в «Интуристе», попасть на которую было сложнее, чем в аспирантуру, и лишь немногим проще, чем выехать за границу. Впрочем, было бы не вполне справедливо отнести Риту к тем чадам советской номенклатуры, которых менее удачливые сверстники презрительно именовали блатными. Она была бесспорно умна и прекрасно училась, к последнему курсу уже свободно говорила на трёх европейских языках и достаточно глубоко разбиралась в европейском искусстве. Поэтому факт рождения в семье высокого партийного чиновника можно было считать просто счастливой случайностью.

Известно, что курсант военно-медицинской академии гораздо меньше прочих студентов располагает своим досугом. Костя мог видеться с Ритой только по воскресеньям, да и то если на эти дни не приходились его учения или её экскурсии. Поэтому всё время между этими свиданиями проходило в сладких воспоминаниях о последней встрече и радостном предвкушении будущей, что открывало полный простор его романтическим мечтам. Как знать: если бы они имели возможность видеться ежедневно, может быть, до свадьбы дело и не дошло бы... Теперь, после нескольких лет брака, он понимал, что его образ Риты на девять десятых складывался из его собственных фантазий о ней и лишь на одну десятую из её реальных качеств – пропорционально времени, проводимому порознь и вместе.

Впрочем, это вещь неизбежная. Наша первая любовь – по преимуществу плод нашего воображения: в нём мы выстраиваем некоторый идеал, а потом помещаем в этот воздушный замок первого же реального человека, который покажется нам подходящим на роль прекрасного принца или принцессы – ненужное зачеркнуть. Стоит ли удивляться, что этот человек почти никогда не ведёт себя в соответствии с нашим сценарием, путает реплики и мизансцены, а в последнем акте вообще отказывается играть?

Наши юношеские мечты о любви складываются из прочитанного в книгах, увиденного в фильмах, подслушанного или подсмотренного вокруг. Из всего этого месива разнообразных

историй мы отбираем только те обстоятельства, которые отвечают потребностям нашей личности. Общим для всех остаётся, по сути, только биологическое ядро сюжета – потребность в близости с другим существом. Что же касается атрибутов этой близости, то они глубоко индивидуальны. Чем сложнее личность, тем больше она нуждается в оправдании инстинкта и тем большим числом условий обставляет предполагаемую близость. Поэтому так трудно бывает найти того, кто впишется в этот выстроенный в мечтах идеал – тем труднее, чем выше потребности души. Но мы с юной самонадеянностью не допускаем даже мысли о том, что можем потерпеть фиаско – нас устраивает только хэппи энд.

Создавая нас по своему образу и подобию, Господь по неосторожности заронил в нас ген демиурга, но не наделил его возможностями. Мы не хотим мириться с тем, что другой человек не является чистым результатом нашего творческого воображения, рождённым в точном соответствии с нашими представлениями о нём – что он другая, самостоятельная сущность со своими представлениями и потребностями, которые могут не совпадать с нашими, быть даже противоположны им.

Однако если бы люди в своём выборе руководствовались только идеалами, то мы давно уже вымерли бы как вид. Поэтому Природа в большинстве случаев одерживает верх над Богом, вынуждая к компромиссу. За отсутствием идеала мы соглашаемся на его проекцию, своего рода голограмму, с ней и живём. Стоит ли в таком случае удивляться, что тот, кого мы согласились принять в своё сердце, устраивается в нём со своими пожитками, сдвигая, ломая и выбирая то, что нам дорого, в поисках собственного комфорта?

Костя жил с голограммой – с проекцией прелестной женщины, образованной и умной, любящей и преданной. Ради возможности наслаждаться этой иллюзией он мирился с несовершенствами оригинала, которые на заре их отношений казались ему несущественными и даже милыми, но по мере того как две их жизни стали складываться в одну, всё более превращались в проблему.

Но сначала они были влюблены. Встречались по воскресеньям, ходили в театры и музеи, изредка в кино – до кино Рита снисходила только в том случае, если там шло что-нибудь действительно заслуживающее внимания. Рита обожала Ленинград и была талантливым гидом, и Костя замороженно слушал её рассказы. Она и сама получала не меньшее удовольствие, открывая любимый город со всеми его сокровищами такому благодарному слушателю. Ей нравилось думать о нём как о молодом дикаре, и мысль о том, что своим культурным кругозором он будет обязан исключительно ей, приятно ласкала её эго.

Это началось в тот день, когда они бродили по Царскосельскому парку и Рита с изумлением обнаружила, что познания её кавалера о царствовании Екатерины исчерпываются официальными фактами из советских учебников. Она рассуждала о сомнениях по поводу отцовства Петра III в отношении наследника, Павла, и заметила, что в происхождении остальных детей Екатерины тоже нет полной ясности.

– Дети? Что ты имеешь в виду? Ты хочешь сказать, что у Екатерины были дети, кроме Павла?...

– Ну да... Ты не знал? – она остановилась и посмотрела на него широко открытыми в насмешливом удивлении глазами. – Да ты просто... просто Маугли! – она расхохоталась, довольная своей шуткой. Потом, приняв серьёзный и торжественный вид, поднесла к лицу сложенные чашей ладони, изображая всем известную сцену из мультфильма, в которой Маугли разговаривает с огнём: – «Мы с тобой одной крови – ты и я!»

Костя было нахмурился, но задорный смех девушки, её игривость были столь пленительны, что он проигнорировал обидный смысл её шутки и через минуту уже смеялся вместе с ней. Он подхватил её, поднял над собой и закружил, приговаривая:

– Маугли, значит? Вот как – Маугли! А я вот возьму и уволоку тебя в свою пещеру, что ты на это скажешь, а?

Рита хохотала, шутливо вырываясь. Когда же он наконец поставил её на землю, она аккуратно оправила плащ и, глядя в маленькое зеркальце пудреницы, поправила причёску и произнесла как бы мимоходом:

– Ну уж нет, только не в пещеру. Это не для меня!

Конечно, они были очень разными. Но эта, как сказал бы Пушкин, «взаимная разнота»¹³ тоже может быть разной. Как часто приходится видеть, что в дружбе ли, в любви ли сходятся люди настолько несхожие, что и представить трудно, как они вообще находят общий язык. И в то же время люди, близкие типологически – по духу, по интересам, по происхождению – отчаянно ссорятся, стоит им только сойтись в одной комнате. Этот феномен часто пытаются объяснить физически: дескать, противоположно заряженные частицы притягиваются, а однородно заряженные отталкиваются. Но статистическая вероятность как притяжения противоположного, так и отторжения подобного не столь велика, чтобы признать эту аналогию законом – на практике бывает всяко!

В их дуэте Рита играла роль Онегина. Конечно, её искущённость и пресыщенность были по большей части напускными, подражательными. Но вот трезвый ум, скепсис, рассудочность были ей свойственны, видимо, от природы. А Костя, с его пылкой и романтической натурой – простодушное дитя Юга! – был абсолютным Ленским, ну разве что поумнее геттингенского выученика. «Онегин, как похорошели у Ольги плечи, что за грудь! Что за душа...» – это же просто откровенная карикатура, такое Костя мог произнести только с большой долей иронии. И однако он попался, стал заложником собственной привычки думать о людях лучше, чем они того заслуживали – то есть судить по себе.

Парадоксально, но, если вдуматься, Рита делала то же самое – судила по себе. Пока её кавалер предавался романтическим грёзам, она высчитывала и выстраивала маршрут их дальнейших отношений. Наивный кавказский мальчик без претензий, думала она, должен быть счастлив заполучить такую невесту, как она – коренную ленинградку, из хорошей фамилии, прекрасно образованную, утончённую и обеспеченную. Кроме перечисленного, она могла предложить своему избраннику обширные связи и лёгкую, стремительную карьеру в одной из лучших клиник страны.

Была ли она такой уж прагматичной уже в начале их отношений, трудно сказать. По крайней мере, она благосклонно принимала его ласки – теперь он думал, что был для неё приключением, своего рода экзотикой, приятно щекотавшей нервы на фоне пресных архивных юношей¹⁴ её круга:

Да, он любил, как в наши лета
Уже не любят, как одна
Безумная душа поэта
Ещё любить осуждена...

Завоевать его оказалось упоительно легко, его пылкость льстила её женскому тщеславию, а каждое появление в обществе под руку с южным красавцем в военной форме создавало ей некий ореол загадочности, было интригой, которую так приятно смаковать в компании, домысливая сколь угодно смелые детали.

Первые два-три месяца она присматривалась и прислушивалась к нему. Казалось, Рита ещё не решила, стоит ли он того, чтобы тратить на него время. Наконец, однажды, в одно из воскресений начала марта, она пригласила его к себе домой.

---

¹³ Они сошлись. Волна и камень, Стихи и проза, лёд и пламень Не столь различны меж собой... Сперва взаимной разнотой Они друг другу были скучны, Потом понравились, потом Съезжались каждый день верхом, И вскоре стали неразлучны... (А.С.Пушкин, «Евгений Онегин»)

¹⁴ Здесь тоже аллюзия на «Онегина»: Архивны юноши толпою На Таню чопорно глядят И про неё между собою Неблагосклонно говорят...

– Мама и папа хотят с тобой познакомиться, – сказала она без всякого выражения в голосе и в лице.

Его ставила в тупик эта её манера говорить с ним отстранённо, как с посторонним. Взгляд её при этом становился неподвижным, непроницаемым, и было совершенно невозможно понять, что у неё на уме. Казалось, произнося слова, она думала о чём-то своём, куда ему нет доступа и где ему нет места. При этом она могла смотреть куда-то в сторону или ему в глаза – как бы в глаза, но на самом деле (он был уверен) она видела что-то совсем другое, а слова, которые слетали с её губ, воспроизводились автоматически, как запись на магнитной плёнке.

Костя подождал, не последует ли продолжение, и, так как оно не последовало, сказал:

– Что ж. Мне, вероятно, следует купить цветы.

После этих слов астральное тело Риты наконец воссоединилось со своей материальной оболочкой, и она улыбнулась ему одними губами.

.....

Это был солидный старый дом, который до революции строился как доходный, но для более взыскательной публики: врачей, адвокатов, чиновников средней руки, профессуры расположенного неподалёку университета. В нём не было ничего от ужасающих тесных трущоб Достоевского. По крайней мере, парадное в данном случае было действительно парадным: широкую лестницу с прихотливо изогнутыми маршами ярко освещало высокое, в два пролёта, окно. По кованным чугунным балясинам перил вилась причудливая лиана; дубовый поручень, судя по всему, недавно был заботливо ошкурен и покрыт свежим лаком. На лестничных площадках стояли кадки с ухоженными растениями.

– Добрый день, Риточка! У вас гость?

Костя, который в этот момент разглядывал вестибюль, вздрогнул от неожиданности и, обернувшись на голос, обнаружил консьержку за стойкой, которая располагалась в темноватом углу за лестницей.

– Добрый день, Зинаида Степановна! – ответила Рита, оставив без внимания вопрос пожилой женщины, напомнившей Косте институток из фильмов о революции.

Когда вошли в старомодный лифт с дверями, которые открывались закрывались вручную, Рита произнесла, словно во время экскурсии:

– Северный модерн, *fin de siècle*, *Belle Époque*¹⁵. Здание построено по проекту Роберта Мельцера в тысяча девятьсот седьмом году.

Они стояли лицом к двери, и Костя, скосив на Риту смеющиеся глаза, ответил с подчёркнутой галантностью:

– Приму к сведению!

Он криво усмехнулся, но усмешка прозвучала немного натянуто: он заметно нервничал.

Лифт остановился, и они шагнули на площадку, выложенную узорчатой керамической плиткой. Их шаги (которых, к счастью, потребовалось совсем немного) отчётливо прозвучали под сводами и растаяли в лепных карнизах. Рита открыла дверь своим ключом, оглянулась на него через плечо, приглашая следовать за собой, и вошла, громко сообщив:

– Мы здесь!

В глубине квартиры открылась дверь, послышались шаги, и перед Костей предстали родители Риты: моложавая и стройная женщина средних лет с приветливым лицом, тонкие черты которого несли узнаваемую печать старой еврейской интеллигентности, ухоженная, одетая в простое, но отлично сшитое платье; солидный мужчина в тёмно-синем стёганом бархатном халате с шёлковыми лацканами, из-под которого, однако, виднелись белая рубашка и тща-

---

¹⁵ *Fin de siècle*, *Belle Époque* (фр.: конец века, прекрасная эпоха) – условное обозначение периода европейской (в первую очередь французской и бельгийской) истории между последними десятилетиями XIX века и 1914 годом.

тельно отглаженные брюки. В крупных чертах мужчины было заметно фамильное сходство с дочерью, двигался он вальяжно и вообще держался барином. Костя вспомнил своего отца, каким тот обычно бывал дома – в мешковатых штанах и клетчатой рубашке, небрежно застёгнутой и открывающей курчавую поросль на груди, с закатанными рукавами – и невольно улыбнулся этому контрасту.

.....

Экзамен он выдержал – условно.

Провожая его в прихожей, Елена Матвеевна пригласила бывать у них «без церемоний». Леонид Захарович молча пожал руку, но Рита позже по телефону сообщила:

– Папа считает, что ты «серьёзный молодой человек»...

«...хотя, конечно, не вполне подходящий», – закончил про себя Костя. По манере держаться друг с другом, по тому, как отец и дочь обменивались взглядами, по их одинаковым повадкам и внешнему сходству он сразу определил, что Рита – папина. Стало быть, решающее слово будет за ним.

Этот визит заставил его задуматься о будущем их с Ритой отношений. Кто он, в сущности, для этих людей? Парнишка из глубокой провинции, из честной и работающей, но самой простой семьи. Без связей и, как оказалось, без видов на карьеру – Леонид Захарович иронически поднял бровь, когда на его вопрос о том, что он собирается делать после академии, Костя коротко ответил, как нечто очевидное: служить. Не дождавшись продолжения, хозяин решил уточнить:

– Ну да. Разумеется. Но где?

Супруга легонько накрыла его руку своей, – они сидели за чаем, за круглым столом под белой скатертью – но он освободил руку, взяв чашку.

– Этого я пока не знаю. Никто не знает, – ответил Костя. И, так как его собеседник не сводил с него вопрошающего взгляда, добавил с улыбкой: – Куда пошлёт Родина.

Отец и дочь обменялись взглядами, и Костя заметил, как Рита опустила глаза.

Маугли! Вот кто он в их глазах – во всяком случае, для этих двоих, Риты и её отца. Юный дикарь, набитый наивными представлениями о чести, но лишённый какого бы то ни было честолюбия. Но что же они хотят? Чего ждут от него? Не могут же они не знать, что жизнь офицера ему не принадлежит, что она подчинена уставу и присяге? Человек, решивший выбрать военную карьеру, делает свой выбор лишь единожды, но зато бесповоротно: принимая присягу, он соглашается беспрекословно следовать приказам командиров и с достоинством нести тяготы воинской службы. Конечно, плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Но, чтобы стать им, думал Костя, придётся побыть сержантом, лейтенантом, капитаном и так далее – то есть всё равно неизбежно придётся последовательно пройти все этапы табели о рангах. Этот путь можно сделать менее продолжительным, если быть лучшим сержантом, лейтенантом, капитаном. Но армейская машина неповоротлива, и даже в таком случае потребуются годы и годы, чтобы достичь должности, которая допускает некоторую альтернативу при выборе места службы.

А Ритин отец, кажется, видит свою единственную дочь не меньше чем за полковником генерального штаба.

.....

Поздно вечером, ложась в кровать, Леонид Захарович спросил жену, которая на своей половине постели читала толстый журнал:

– Ну и как тебе этот... Константин?

Елена Матвеевна опустила журнал на одеяло и, помолчав, сказала:

– По-моему, очень милый молодой человек.

Супруг фыркнул:

– Милый! Что ты хочешь сказать?

– Мне он показался очень неглупым... тактичным и, знаешь, глубоким человеком...

– Глубокимы?! – Леонид Захарович пыхтел, как закипающий чайник. – Чёрта ли Ритке с его глубины!

– Но это важно, Лёня! Рита – девочка умная, образованная. Ей нужен спутник, который в состоянии разделять её интересы...

– Ей нужен, как ты выражаешься, спутник, который сможет обеспечить ей достойный уровень жизни! Не для того она оканчивала университет, чтобы таскаться за ним по гарнизнам и, дожидаясь его со службы, варить борщи!

Елена Матвеевна вздохнула и ничего не ответила.

– Я тебе вот что скажу... Он нам не подходит! – продолжал кипеть Леонид Захарович.

– Нам? – его жена повернулась к мужу и взглянула на его твёрдый профиль. – Это не нам с тобой решать, Лёня. Это Риточкин выбор. И потом, – поспешила добавить она, заметив, что супруг набрал воздуха для возражения, – ему ещё три года учиться. А за три года, знаешь, многое может измениться!

Леонид Захарович задумался, последний довод жены его несколько успокоил. В самом деле, что теперь копыа ломать? Поживём – увидим.

– Ладно, – ответил он и, выключив лампу со своей стороны кровати, повернулся на бок. – Спокойной ночи.

Глава 2. Джедай

Таким образом, все заинтересованные стороны сочли за благо отложить решение судьбоносных вопросов до лучших времён. Костя, как и раньше, встречался с Ритой по воскресеньям, только теперь он стал бывать у неё в доме, что было даже удобно, учитывая переменчивую питерскую погоду. Теперь, если у них не было билетов в театр или они не собирались посетить какую-нибудь выставку, а ненастье и холода исключали пешие прогулки, можно было проводить вечера в тёплом уютном доме, попивать чай в просторной кухне – а потом, закрывшись в Ритиной комнате, тайком целоваться, прислушиваясь к звукам за дверью.

Эти минуты были испытанием для обоих. Едва за ними закрывалась дверь, они слипались, как два магнита, которые долго держали рядом и наконец отпустили. Пьянея от желания, пожирали друг друга губами, проникали нетерпеливыми руками под одежду – избегая пуговиц, чтобы можно было быстро привести себя в порядок, если кто-то из родителей постучит в комнату (Рита уверяла, что папа и мама никогда не входят в её комнату без стука с тех пор, как ей исполнилось десять лет).

Сначала Костя робел: эта непривычно просторная, со вкусом и продуманной роскошью обставленная квартира вызвала в нём чувство собственной неуместности и незначительности. Когда Рита впервые привела его в свою комнату, он некоторое время в недоумении стоял у порога – ему казалось, что он попал внутрь декораций какого-то голливудского фильма: вся эта белая мебель с завитушками, туалетный столик на гнутых ножках с овальным зеркалом в золочёной раме, шёлк и бархат... Казалось, после парадного, прихожей и гостиной его уже трудно удивить, но эта комната вызвала оторопь. Первой мыслью, которая оформилась в пустоте его потрясённого сознания, было: «Что я здесь делаю?!»

Рита молча, с улыбкой наблюдала за его реакцией. Когда его изумлённый взгляд, охватив всё это великолепие, остановился на ней, цепляясь за её знакомый, реальный образ как за спасательный круг, она спросила:

– Впечатляет, правда? Это папа мне привёз. Из Европы. Ну, проходи же! Садись, – она указала на изящный диванчик рядом с собой (или как там называется этот предмет мебели? Канапе? Оттоманка?).

Костя нерешительно шагнул внутрь комнаты.

– Слишком хорошо для меня...

Рита рассмеялась, удовлетворённая произведённым эффектом.

– Не говори глупостей. Привыкай!

Однако в следующий его визит она не стала зажигать свет и, плотно закрыв дверь, остановилась рядом с ним в полной темноте. Стоило ей положить руки ему на плечи, всё остальное стало несущественным и бесконечно далёким. Вокруг могла быть хоть пещера Али-Бабы, хоть Букингемский дворец – это не имело никакого значения: весь мир сосредоточился в этой девушке, которую он так отчаянно желал и которая так горячо принимала его ласки.

И только дверь, возле которой они стояли, сдерживала его.

Возвращаясь из увольнения в казарму, он не чувствовал под собой ног. Страсть, не находившая выхода, становилась с каждым разом всё сильнее – она словно накапливалась в нём, рискуя сокрушить возведённую им плотину из приличий, порядочности, долга и рассудка. Эту плотину после каждого свидания приходилось надстраивать, поднимая всё выше и выше. Но было понятно, что это не может продолжаться бесконечно.

Жизнь курсанта, а тем более медика, расписана поминутно. Но есть в распорядке дня время, когда можно немного расслабиться – время для самостоятельной подготовки. Курсанты сидят над учебниками и тетрадками, и кто разберёт, действительно ли ты читаешь или просто уткнулся в книгу и думаешь о своём? Некоторые умудряются даже вздремнуть над какой-

нибудь анатомией или общей хирургией, но лучше не попадаться, поэтому сидящему рядом товарищу следует незаметно толкнуть задремавшего соседа, если преподавателю вздумается ходить между рядами.

Раньше Косте и самому случалось заснуть над учебником – некоторые предметы как будто специально созданы для лечения бессонницы: после первой же страницы глаза слипаются и сознание проваливается, как в подушку, в глубокий и здоровый сон. Но в последнее время на занятиях ему не спалось. Перебирая взглядом сухой научный текст, он вдруг ловил себя на том, что не понял ни слова из прочитанного, потому что мысли его были заняты совсем другим. Точнее говоря, мысли были заняты одним, а чувства – другим, но ни один из этих предметов не имел отношения к медицине. Вместо убогистого текста, таблиц и иллюстраций он видел Риту во всей её непостижимой прелести. Вот она идёт по набережной, чуть впереди него, ветер играет её локонами, и вдруг она оглядывается через плечо; он смотрит на её смеющиеся губы – и вспоминает, как целовал их в темноте, за дверью её комнаты, и загорается от нахлынувшего желания... Но в следующую минуту видит эту комнату при ярком свете – всю эту роскошь, которую «папа привёз из Европы». Из Европы, надёжно скрытой от простых советских граждан за железным занавесом! Видит её отца: рука заложена за ворот бархатного халата, другая в кармане; он стоит в коридоре этой огромной квартиры и смотрит на Костю с молчаливым презрением патриция. Наверное, таких, как этот человек, его собственный папа с беззлобной иронией величает слугами народа. Теперь Костя знает, что в советской стране только у слуг народа есть свои слуги – Рита и её мать не особо утруждают себя бытом. Он пытался представить, как приведёт эту девушку в свой дом, к своим папе и маме, и не мог. Рита, изнеженная барышня, папина любимица – в их доме на окраине, с разномастной потёртой мебелью, ветхими диванами под пёстрыми пледами и неумело наклеенными (он только теперь это понял) обоями? Это казалось так же неуместно, как и представить себя в её хоромах! Он вспомнил её небрежно брошенное «привыкай!» и подумал: ну уж нет, им не удастся сделать из меня домашнюю собачку!

Но что тогда? Что может он ей предложить, кроме своей любви? На этот вопрос у него не было ответа, он сразу остужал его пыл, возвращая к реальности. От тяжёлого протяжного вздоха переворачивались страницы, и, глядя на них, Костя осознавал, что у него есть только один выход: быть лучшим. Лучшим из лучших! Лучшие выпускники получают назначение в лучшие клиники. По крайней мере, расположенные в городах, а не в отдалённых гарнизонах. Он, конечно, не станет в одночасье генералом. Но в его силах показать, что он на это способен. Нельзя позволить этому напыщенному снобу смотреть на него сверху вниз!

И Костя осатанело вгрызался в учёбу. Сначала было непросто. Но он гнал от себя мимолётные виденья и несвоевременные мысли, по несколько раз перечитывая страницу до тех пор, пока её смысл накрепко не впечатывался в мозг. Он открыл для себя занятную закономерность: чем больше отвлекающих факторов мешают умственным занятиям, тем больше усилий приходится прилагать, чтобы их преодолеть. А чем больше прилагаешь усилий, тем прочнее и глубже становятся полученные знания.

Он первым вызывался испробовать новые манипуляции на практических занятиях в госпитале и неустанно оттачивал свои навыки. Перечислял без запинки все симптомы и методы лечения во время обхода больных, а если чего-то не знал, то уходил в библиотеку или пристаивал к медперсоналу – словом, не успокаивался до тех пор, пока не восполнит пробел.

Как раз в это время кое-кто из внешторговцев и дипломатов завёз в СССР, вместе с диковинными ещё видеоманитофонами, первые кассеты «Звёздных войн». О фильме много говорили, родные и подружки взахлёб расхваливали его по телефону курсантам, и в ближайшее воскресенье парни отправились к одному из местных, счастливому владельцу этого чуда техники, смотреть видео. Костя, разумеется, с ними не пошёл. Он уговаривал Риту, дома у кото-

рой тоже имелась эта диковинка, посмотреть фильм, но она брезгливо морщила носик: «Фантастика? Мы же не школьники!»

Вечером, когда он вернулся в казарму, она кипела от впечатлений. Собравшись в кружок, однокурсники бурно обсуждали премьеру, и Костя ощутил укол зависти. Он стал слушать, о чём говорят ребята, но мало что понимал: они произносили незнакомые имена и вспоминали эпизоды, о которых он не имел ни малейшего представления. Вдруг кто-то заметил его присутствие.

– Пацаны, глядите: Джедай!

Все обернулись в его сторону и дружно заржали, как табун молодых жеребцов, повторяя на разные лады – «Джедай! Джедай» – хлопая его по спине и плечам, а кое-кто и пониже спины. Шут гороховый Пегов отвесил ему церемонный поклон и пророкотал:

– Да пребудет с тобой сила!

Костя в недоумении смотрел на товарищей, понимая только то, что вся эта церемония как-то связана с фильмом. Но когда парни принялись наперебой рассказывать ему и изображать в лицах самые захватывающие диалоги, он понял причину такого бурного приёма. Дело в том, что Костина фамилия была Джедаев, и когда с экрана прозвучало слово джедай, их компания просто взорвалась хохотом. Они хихикали и пинали друг друга локтями всякий раз, когда слышали его.

Джедай, воин света, со светящимся мечом из чистой энергии на месяцы стал пищей для неистощимых шуток и розыгрышей товарищей. Они таки вытащили его посмотреть фильм в ближайшее воскресенье, заодно повторив удовольствие, и потом, когда он расставался с ними на углу, собираясь на свидание, скабрёзно поинтересовались, в порядке ли его световой меч, и кричали вдогонку, гогоча: «Да пребудет с ним сила!»

Прозвище накрепко приклеилось к нему. Но время шло, шутки приелись и иссякли, а прозвище наполнилось смыслом: за этот год Костя здорово продвинулся во всех предметах, оставив позади даже самых отъявленных ботанов. В том, как однокурсники произносили это прозвище, становилось всё меньше иронии и всё больше уважения. Известно, что «ботаников» всегда недолюбливают и изводят шутками, иногда довольно жестокими. Но в Костином характере не было ничего от классического зубрилы: он не имел привычки смотреть свысока на своих менее способных или усидчивых товарищей и не пренебрегал физподготовкой, выкладываясь на тренировках на все сто. Кроме того, он обладал отменным чувством юмора и был душой компании.

.....

Обычно они встречались у Адмиралтейства или на набережной Фонтанки, но в одно из воскресений апреля Рита попросила зайти за ней домой. Впустив его в квартиру, она прямо в прихожей обвила его шею руками и, приблизив лицо, посмотрела на него пристально, глаза в глаза. Сердце у Кости заколотилось и упало вниз, когда он, обнимая её, почувствовал, что на ней, под тонким шёлковым халатиком, нет ничего. Но он лишь коснулся её губ и осторожно поглядел вглубь квартиры, прислушиваясь. Было совершенно тихо. Рита, улыбаясь, прошептала:

– Мы сегодня одни.

– Одни? – недоверчиво переспросил он, почему-то тоже шёпотом. – А где же...

– Папа в командировке, мама с Галиной уехали на дачу, готовить её к лету. – Галиной звали домработницу, или, как называла её Елена Матвеевна, помощницу Павловских. – Приедет поздно, – добавила она многозначительно.

У Кости мгновенно похолодели и вспотели руки. Мысли, одна бесстыднее другой, теснились в голове, он с усилием сглотнул и спросил:

– И каковы наши планы?

Вместо ответа Рита медленно, с наслаждением поцеловала его – плотина рухнула, и он, застонав от желания, подхватил её на руки и устремился в её комнату. Дверь оказалась открыта, кровать не застелена. Срывая с неё и с себя одежду, он вдруг остановился и задыхаясь, сказал:

– Постой, а как же... вдруг... надо принять меры!

Продолжая расстёгивать пуговицы его рубашки, она коротко хохотнула грудным смехом:

– Не бойся, я приняла...

.....

Этот упоительный, невозможный, безумный день мелькнул, как проносится за окном силуэт пролетающей птицы. Уже в сумерках, обнимая утомлённую Риту, он в наступившей тишине расслышал тиканье часов и только тогда вспомнил о времени. Часов ему не было видно, но он посмотрел в окно, к которому незаметно подкрался вечер. Не может быть, подумал он и, чувствуя, как на него наваливается тяжёлый, неудержимый сон, пошевелился. В ответ на это движение Рита перекатилась на спину и с наслаждением потянулась. Потом протянула руку к прикроватной тумбочке и поднесла к глазам будильник.

– Надо же! Почти четыре часа... Я умираю от голода! – она снова перекатилась на живот и заглянула ему в лицо. – А ты?

Костя энергично потёр глаза.

– Чашка крепкого кофе мне бы не помешала...

Она выскользнула из кровати и, накинув халатик, подошла к шкафу.

– Сейчас посмотрим, что там Галина оставила на плите. – Вынула джинсы и клетчатый батник и, направляясь в ванную, бросила: – Надо привести себя в пристойный вид. Мама не поймёт, если увидит, что я принимала тебя в пеньюаре.

Когда он, причесавшись и застегнув последнюю пуговицу, вышел из ванной, в коридоре уже аппетитно пахло голубцами вперемешку с кофе, и было слышно, как Рита звенит посудой. Он остановился в дверях. Она стояла над дымящейся туркой (которую подчёркнуто, поправляя его, называла джезве) и не сразу заметила его появление. На обеденном столе были расставлены тарелки и разложены приборы. Рядом с плитой, на рабочей поверхности кухонного гарнитура, была приготовлена буханка хлеба и нож.

Костя смотрел на её стройную фигурку в потёртых джинсах и клетчатой приталенной рубашечке, с упёртыми в бока кулачками. В этой милой затрапезе Рита казалась хрупкой, уязвимой и очень... земной. Несколько часов любовных восторгов привели его в размягчённое и сентиментальное настроение. Ему казалось, что теперь, когда они целиком принадлежат друг другу, между ними больше нет преград. Его божество сошло с пьедестала и оказалось обычной женщиной, которая вот теперь стоит у плиты и варит ему кофе.

Потом они неторопливо пообедали, сидя напротив и лаская друг друга взглядами. После обеда, пока Рита заправляла постель, он мыл посуду, и ему доставляло удовольствие представлять, что они семья и это их обычный выходной. Они долго и нежно прощались в прихожей, и он ушёл до возвращения Елены Матвеевны, что было к лучшему: Рита сказала, что по его сияющему виду мама сразу поймёт, чем они тут занимались.

До окончания увольнительной оставалось ещё несколько часов, и он отправился бродить по апрельскому Ленинграду, в воздухе которого уже отчётливо пахло весной. По-другому пахла и вода каналов, и земля в парках и скверах. Было ещё светло, настала пора долгих северных вечеров, которые месяц спустя перетекут в белые ночи. Он посидел на парапете набережной, глядя на плывущие в воде облака; купил в гастрономе бутылку лимонада и с наслаждением выпил её на скамейке в Исаакиевском сквере.

Он был счастлив.

«Вся эта роскошь, – говорил он себе, – не более чем одежда, под ней оказалась обычная женщина, которую так легко и радостно любить. Всё будет хорошо!»

Глава 3. Конец романа

Ему нравилось чувствовать себя рыцарем, который отправился в трудный и опасный поход, чтобы покрыть себя славой ради Прекрасной Дамы. Он никому бы не признался, что сохранил эту детскую привычку воображать себя героем прочитанных книг, точнее – проецировать книги на свою жизнь, но эта маленькая тайна часто помогала ему пережить неприятности, преодолеть слабости, достичь цели. Многие из того, что обычному мальчику Косте Джедаеву казалось запредельной мечтой, недостижимым идеалом, для его любимых героев было нормой существования. «С восьми до десяти утра – подвиг»,¹⁶ – говорил он себе и с этой минуты становился бароном Мюнхгаузеном.

Пожалуй, именно этот герой лучше всего соответствовал его натуре – романтик и выдумщик с тем органичным чувством юмора и самоиронии, которое, несмотря на кажущуюся несоместимость его поступков со здравым смыслом и законами физики, позволяло обеими ногами стоять на земле. Если бы Костя воспринимал свои детские фантазии всерьёз, то это бы грозило ему, пожалуй, инфантильностью или раздвоением личности. Но этого не произошло, а случилось то, что случилось: он совершал свои маленькие каждодневные подвиги с улыбкой в душе, отдавая себе полный отчёт в том, что это своего рода игра. Играя, он ввязывался в драку, даже когда численный перевес или преимущество в силе и возрасте были на стороне обидчика: ему было страшно, но он надевал на себя личину одного из любимых героев, и эта личина становилась его доспехами – страх отступал. «Сила в правде» стало его девизом задолго до того, как эти слова были увековечены Бодровым¹⁷.

Играя, он с отличием окончил школу и, не обладая выдающимися физическими данными, прошёл строжайшую медкомиссию в академию, без какой-либо протекции успешно сдав экзамены.

Для его героев не было ничего невозможного. И теперь, окрылённый, он брал новые вершины во имя своей любви, закреплённой обладанием. Как знамёна побеждённых полков, он был готов бросить к ногам любимой все свои незаурядные успехи в боевой и политической подготовке, не говоря уже о многообещающих для будущего врача медицинских познаниях и навыках. Ему нравилось думать, что он в походе, и, штурмуя очередную крепость, он испытывал азарт и предвкушение счастья...

Тогда он ещё не задумывался, что такого рода обладание всегда взаимно и Прекрасная Дама лелеет собственные планы о том, как она распорядится его подношениями.

«Два мира – два детства». Излюбленное пропагандистское клише советских журналистов, противопоставлявших счастливое советское детство полной лишений жизни детей и подростков за Железным Занавесом, в странах капитализма. К началу 60-х, когда советская партийная элита переделалась из аскетичного сталинского кителя в дорогие костюмы, лицемерие официальной идеологии сделалось уже вполне очевидным для любого, кто давал себе труд сопоставить лозунги с фактами. Заглянув за транспаранты, в изобилии украшавшие города и веси социалистического отечества, диссидентствующие граждане обнаружили всё те же пороки, которые было принято считать исключительными симптомами гнивающего капитализма. Это было время, когда впервые серьёзно пошатнулась вера советских людей в святость коммунистических идеалов. Всё ещё осторожно, на кухнях, но уже с изрядной долей сарказма заговорили: прогнило что-то в датском королевстве¹⁸.

¹⁶ Цитата из фильма «Тот самый Мюнхгаузен» (1979)

¹⁷ Ставшие афоризмом слова главного героя культовых фильмов 90-х «Брат» и «Брат-2»: «Вот скажи мне, американец, в чём сила! Разве в деньгах? Вот и брат говорит, что в деньгах. У тебя много денег, и чего? Я вот думаю, что сила в правде: у кого правда, тот и сильнее!».

¹⁸ Из трагедии «Гамлет» (действ. 1, явл. 4) Уильяма Шекспира (1564—1616). Слова Марцелло, наблюдающего появление

Не стало тирана, который держал в страхе одну шестую часть суши и наводил ужас на остальные пять шестых, избивая своих, чтоб чужие боялись. И эти свои, оплакав Вождя, пустились в пляс на его трупе, первыми надругавшись над символами коммунистической веры. Почувяв свободу – свободу от парализующего страха – они с циничным наслаждением попрали заодно равенство и братство, узурпировали тот образ жизни, который прежде был платой за служение – и одновременно платой за риск, который становился всё выше по мере приближения к трону скорого на расправу тирана.

На первый взгляд, после развенчания культа личности мало что изменилось. С трибун партийных съездов и со страниц газет звучали те же самые лозунги; так же, как и раньше, граждане в едином трудовом порыве боролись за выполнение и перевыполнение планов, участвовали в социалистическом соревновании и битве за урожай; их дети по-прежнему становились октябрятами, потом вступали в пионеры и комсомол и изучали труды Маркса и Ленина, в которых, в числе прочего, утверждалась мысль о коммунистическом обществе как обществе бесклассовом...

Но по сути все эти звонкие фразы чем дальше, тем больше отдавали фарисейством, так как общество победившего социализма, казавшееся таким монолитным в первое послевоенное десятилетие, стремительно становилось классовым. И ложь, религия рабов и хозяев¹⁹, вернула себе утраченные были позиции: в этом обществе равенства дети партийной элиты учились в лучших школах, жили в лучших домах, лучше одевались и питались и имели гарантированно лучшие карьерные перспективы, чем все остальные советские дети – хотя произносили всё те же клятвы и лозунги и штудировали те же труды основоположников марксизма-ленинизма.

Повторив судьбу многих благих намерений, коммунизм таки наступил – но не для всех. Костины родители шли к нему так долго, что и верить-то в него перестали: всеобщее благоденствие стало своего рода идеей о рае, куда никто не надеялся попасть при жизни. В то время как семья Риты уже теперь жила при коммунизме, где, как хорошо было известно даже советскому двоечнику, от каждого по способностям – каждому по потребностям. Если она и задумывалась о том, что подавляющее большинство её соотечественников живёт иначе, то считала это чем-то естественным – результатом их собственного выбора или неспособности добиваться своего.

Они продолжали видеться и, когда появлялась такая возможность, тайком предаваться плотским утехам, не слишком задумываясь о будущем, пока будущее само не напомнило им о себе.

В одно из воскресений, придя к условленному месту, Костя нашёл Риту бледной, с тёмными кругами вокруг глаз. Сами глаза выражали растерянность и вопрос.

– Что с тобой? Что-нибудь случилось? – спросил он, целуя её. – Выглядишь ты неважно...

– Я беременна, – сообщила Рита, продолжая безотрывно смотреть ему в глаза.

– Что ж... Замечательно, – проговорил он, чувствуя, как кровь приливает к лицу. – В таком случае нам следует пожениться. Как думаешь? – он улыбнулся, презирая себя за то, что улыбка, он это чувствовал, вышла жалкой и вымученной.

– Ты не обязан. Я могу... – начала было она.

– Не говори глупостей. Я всё равно собирался на тебе жениться, когда окончу академию. Просто сделаю это немного раньше. – Он притянул её к себе и почувствовал, как расслабились её напряжённые плечи и вздох облегчения окатил его шею горячей волной. Она была сейчас такой ранимой и хрупкой. Он подумал о том, что ей пришлось пережить, пока она ждала этого свидания и его ответа, и у него защипало в глазах.

призрака короля-отца и его встречу с Гамлетом. Иногда выражение встречается в других переводах – «неладно что-то в Датском государстве» и др. Иронически: о признаках явного неблагополучия где-либо, притом что его причины еще не совсем ясны или о них предпочитают умалчивать.

¹⁹ Слова Сатина из пьесы Горького «На дне»: «Ложь – религия рабов и хозяев... Правда – бог свободного человека!»

Помолчали – каждый о своём. Костя вспоминал слова отца, когда тот счёл его достаточно взрослым: «Имей в виду, сынок: тебе несколько минут удовольствия – а ей потом носить, рожать и много лет воспитывать твоего ребёнка!» Его мысли естественным образом обратились к медицинской стороне проблемы, и он спросил:

– А ты уверена? Насчёт беременности?

Рита судорожно вздохнула, и он понял, что она плачет. Рита плачет? Это было новостью. Он привык считать её снежной королевой, чувства которой, если таковые и есть, не имеют внешнего выражения, как если бы они были скованы коркой льда. Это не делало её менее привлекательной – напротив, придавало ей прелесть уязвимости, заставляя его испытывать азарт завоевателя, бастион за бастионом покоряющего этот ледяной замок. И вот теперь он, кажется, добрался до самой середины – до трепетно пульсирующего ядрышка этой твердыни. Прижимая к своему плечу её кудрявую голову, Костя улыбнулся: оно того стоило!

– Ну что ты, малыш. Всё будет хорошо! – он погладил её точно так же, как обычно утешал Лильку, когда та выплакивала на его плече свои детские горести. – Расскажи-ка мне лучше, что ты чувствуешь.

– У меня задержка, – прошептала она в его китель и уточнила: – Две недели. Даже больше... Почти три! И сегодня утром меня тошнило... – Она всхлипнула и выдохнула в отчаянии: – Я не знаю, как сказать папе и маме!

Её горячее дыхание проникло сквозь плотную ткань кителя. Боже мой, она нуждается в его защите! Рита, которую он привык считать гордой амазонкой, самодостаточной и независимой, нуждается в его защите. Это было совершенно новое, незнакомое и удивительное ощущение. Чувствуя, как, расправляясь, его плечи наливаются силой, Костя ответил:

– Предоставь это мне. Они сейчас дома?

Рита проглотила слёзы.

– Папа не знаю, а мама должна быть дома.

– Что ж, пойдём!

Дверь открыла Елена Матвеевна.

– Здравствуйте, Костенька! Какие вы молодцы, что зашли! Сейчас будем пить чай. Хотя... – она бросила взгляд на корабельные часы в прихожей, – пожалуй, уже можно обедать. – Тут она взглянула на дочь, и улыбка на её подвижном лице сменилась выражением тревоги. – Что-нибудь случилось?

– Мама, нам надо поговорить, – сказала Рита и умоляюще взглянула на Костю.

– Что ж... Всё равно проходите на кухню, чай вам обоим не помешает.

Когда чайник был поставлен на огонь и все трое расселись за столом, Костя «доложил ситуацию». Он был по-военному краток:

– Елена Матвеевна, мы с Ритой хотим пожениться. Сейчас.

Она пристально посмотрела на обоих.

– Почему именно сейчас? – И добавила с сомнением в голосе: – Зачем так спешить?

Костя набрал побольше воздуха и постарался, чтобы его ответ прозвучал твёрдо и уверенно.

– У нас будет ребёнок.

– Боже милостивый, – выдохнула Елена Матвеевна и посмотрела на дочь.

Рита сидела, уставившись в пустую чашку, которую вертела в руках. На плите зашумел закипающий чайник. Елена Матвеевна медленно встала и принялась машинально заваривать чай и расставлять на столе угощения, видимо думая о другом – о муже, догадался Костя. О том, как тот воспримет это известие и что она может сделать, чтобы смягчить его неизбежный гнев.

– Что ж, – проговорила она, опустившись на стул. – Придётся сказать папе.

– Mamочка, ты поговоришь с ним? – Рита подняла лицо и посмотрела на мать сухими блестящими глазами. – Пожалуйста!

Елена Матвеевна сплела над чашкой тонкие нервные пальцы и грустно улыбнулась.

– Конечно, милая.

– Спасибо...

– Простите нас, – добавил Костя, понимая, что разговор с отцом не будет лёгким и Елене Матвеевне придётся вызвать огонь на себя.

– Что подделаешь, – отозвалась она, переводя взгляд с одного на другую и обратно. Потом вздохнула и сказала: – Что ж, давайте пить чай!

Он почувствовал благодарность к этой женщине, которая без лишних вопросов, охов и ахов, слёз и истерик приняла эту новость.

.....

На другой день Костя использовал двадцать минут личного времени между занятиями, чтобы позвонить Рите. Она, видно, ждала его звонка, сидя у телефона, потому что сняла трубку уже после первого сигнала. На его вопрос, как всё прошло, ответила: могло быть и хуже. Отец, конечно, около часа размахивал шашкой и громыхал, но в конце концов заявил, что «хочет видеть этого молодого человека».

– Мне кажется, он может прийти к тебе в академию, – сообщила Рита. – Так что ты там держись.

Так оно и вышло. Около пяти часов дежурный вызвал курсанта Джедаева и сообщил, что его ждут на КПП.

Павловский сидел на скамейке рядом с КПП и курил. При Костином появлении он не шелохнулся, тяжёлым взглядом из-под полей шляпы наблюдая за его приближением.

– Здравствуйте, Леонид Захарович, – проговорил Костя, остановившись перед ним.

Тот ничего не ответил, только указал глазами на скамейку рядом с собой. Костя сел. Не глядя на него, Павловский докурил, поискал глазами урну, загасил о её край окурков и шелчком отправил его внутрь.

– Мне бы не составило труда добиться вашего исключения из академии даже несмотря на то, что начальство довольно высокого мнения о ваших способностях и перспективах. Считаю, что вам бы следовало указать ваше место, отправив фельдшером на какую-нибудь погран-заставу...

Павловский надолго замолчал. Костя воздержался от возражений, хотя тон посетителя был оскорбителен. Эта сдержанность давалась ему непросто: слова Леонида Захаровича взорвались в его мозгу гневом против снобистской самонадеянности этого чинуши. Но впитанное вместе с кавказским воздухом почтение к старшим сковало ему уста.

– Я пытался убедить дочь избавиться от последствий ваших гусарских шалостей. Но, к сожалению, она полна решимости выйти за вас замуж. А если Рита чего-то хочет, то она это привыкла получать. Поэтому завтра вы подаёте заявление в загс – я договорился с вашим начальством, вам дадут увольнительную на два часа. Мой водитель будет ждать вас возле этого входа в половине четвёртого, – Павловский поднялся, смерил вставшего вслед за ним Костю холодным взглядом. – Я позабочусь, чтобы вас расписали через месяц. Можете сообщить вашим родителям, хотя это необязательно. У меня всё.

Он развернулся и направился к выходу.

Весь остаток дня Костя кипел от гнева. «Если Рита чего-то хочет, то она это привыкла получать». Можно подумать, он очередная игрушка избалованной девочки! Возлюбленное чадо позволило себе каприз и возжелало не лощёного молодого дипломата, а какого-то курсантика без роду и племени, ах, ах, ах, вы только подумайте, какой мезальянс!

После отбоя он долго ворочался в своей постели – несмотря на усталость, сон не шёл. В полной тишине – если можно считать таковой сопение и храп нескольких десятков молодых мужиков и время от времени чьё-то невнятное бормотанье в разных углах казармы – его унижение предстало перед ним во всей своей неприглядной очевидности. «Парень, ты влип!» –

признался он самому себе. Принцессы ему, видите ли, захотелось. Всё это было прелестно, большое спасибо, но вот незадача: римские каникулы внезапно закончились, и её высочество должна вернуться к своим великосветским обязанностям. При этом сравнении Костя почувствовал, как горячая волна стыда окатила его лицо. О, если бы он был столь же безупречен, как герой Грегори Пека²⁰! Если бы ему хватило ума ограничиться прогулками по театрам и музеям, то он мог бы всю дальнейшую жизнь предаваться нежным меланхолическим воспоминаниям! Но он не смог отказать себе в удовольствии залезть к ней в постель, и теперь его принцесса носит их ребёнка, а ему придётся войти в эту семью на правах бедного родственника, которого терпят, как неизбежное зло...

Додумав до этой мысли, он ужаснулся тому, что она пришла ему в голову. А как же любовь? Он же любит Риту. «Ведь я её люблю?» – просил он себя и прислушался к своим чувствам. Но не услышал ничего, кроме гнева и оскорблённой гордости, которые клокотали в его ушах. «Можете сообщить вашим родителям, хотя это необязательно!» Видит Бог, его папа и мама стоят сотни таких, как этот самодовольный сноб! Его кулаки сжались, он вскочил с кровати и бросился вон из казармы. В умывалке он сунул голову под холодную воду и, сорвав с себя майку, стал пригоршнями плескать на грудь и плечи. Потом постоял, опершись руками о края эмалированной раковины и успокаивая дыхание. В умывалке было довольно холодно, да и вода, высыхая, быстро охлаждала разгорячённое тело. В конце концов он почувствовал, как спина и плечи покрылись мурашками холода. Тогда, закрыв глаза, он попытался представить себе Риту, какой она была в лучшие минуты их романа – её глаза, улыбку, волосы, тепло и аромат её кожи... «Ведь я её люблю?»

Вопрос прокатился эхом в гулкой пустоте и растаял, не встретив ответа.

Костя распахнул глаза и изумлённо уставился на подтёк ржавчины на дне раковины. Он искал в своём сердце то чувство, которое толкнуло его к Рите, с которым он ждал воскресений и бежал на свидания, и не находил его. Это было как войти в разорённый дом, в котором раньше кипела жизнь, но из которого теперь вынесли всё, что составляло его суть. Где теперь тот восторг, то нежное благоговение, то напряжение страсти и ожидания, и нежная тоска, и пьянящая дрожь первых прикосновений? Где радость осторожного, волнующего узнавания друг друга? Где все эти муки неутолённого желания и романтические мечты? Где эта сладкая тайна, которую он все эти месяцы носил за пазухой, как тёплого пушистого котёнка, и которая заставляла его одновременно испытывать страх и веселье – страх быть разоблачённым и веселье оттого, что никто даже не догадывается о его тайне...

Ничего! Только сквозняк гуляет по опустевшим комнатам и колышет забытую тряпицу никому не нужной жалости. Жалость – вот всё, что удалось ему найти в своей душе. Предстоящее отцовство вызывало у него недоумение и досаду. Досаду на самого себя: как мог он так легкомысленно положиться на уверения Риты о том, что она предохраняется? Ведь после той, самой первой их близости он просто выкинул эту проблему из головы. Вёл себя как последний эгоист. Что с ним случилось? Может, на него так подействовала обстановка этого богатого, с несоветской роскошью устроенного дома? Перебирая в памяти всю недолгую историю своих с Ритой отношений, Костя пытался понять, когда это с ним произошло. Когда он забыл всё, о чём говорил ему отец, и свои обещания ему? Вероятно, сытая и обеспеченная жизнь вырабатывает в человеке иллюзию собственной неуязвимости. Он не жил в этом доме – лишь бывал в нём, но и этого оказалось достаточно, чтобы почувствовать себя чёртовым небожителем. С самого начала всё происходившее там казалось ему сном, ведь в жизни так не бывает – простые советские люди так не живут!

У себя на родине, бывая в домах, о которых принято говорить: полная чаша, он видел лишь немного более просторный, чем у большинства соседей, дом, обставленный импортной

---

²⁰ Актёр, исполнивший главную роль в фильме «Римские каникулы»

(как с гордостью подчёркивали хозяева) мебелью, с хрусталём за стеклянными дверцами шкафов и коврами на стенах. Но в этих домах жили те же самые люди, что и остальные – просто чуть более удачливые или предприимчивые. С теми же привычками и образом жизни. Они даже как будто немного стыдились своего достатка – что, впрочем, спокойно уживалось в них с простодушным детским бахвальством. Но при этом они оставались теми же добрыми соседями, отзывчивыми и хлебосольными, и никогда не задирали нос. Большой, чем у других, достаток был для них не более чем декорум, но не менял их суть.

У Павловских же Костя сразу почувствовал, что обстановка их дома служит отражением образа жизни – даже, пожалуй, образа мыслей. Совсем иного, чем тот, к которому он привык. Хозяева произносили знакомые слова, но он то и дело ловил себя на том, что от него ускользает суть их разговоров, как если бы они говорили, например, по-французски. Кстати, он не удивился бы, заговори они по-французски – это было бы абсолютно в духе интерьеров, в которых они обитали. Однако же Павловские произносили русские слова, и Костя чувствовал себя ужасно глупо. Ему казалось, он забыл, что эти слова значат – или не знал вовсе, или перепутал – потому что из них не складывалось для него никакого вразумительного смысла. В конце концов он оставил попытки понять что-нибудь из того, о чём говорилось в его присутствии, и только вежливо отвечал на вопросы, но и тогда его не покидало чувство, что любезные хозяева делают над собой усилие, стараясь, чтобы их слова были ему понятны: в том, как звучал вопрос, ему слышалась некоторая снисходительность и тщательность, словно они говорят с ребёнком или иностранцем.

Испытывая поначалу мучительную неловкость, он, тем не менее, незаметным для себя образом освоился в этих стенах – к хорошему ведь привыкаешь быстро! – и упустил тот момент, когда микроб уверенности сытой²¹ проник в его мозг. Не то чтобы он превратился в одного из тех напыщенных изнеженных мажоров, которых так презирали его товарищи, но, гостя у Павловских, поневоле примеривал на себя эту роль. Сперва ему это казалось забавным. Костя внутренне посмеивался, как напроказивший школьник, который на перемене уселся за стол учителя и глумливо копирует его манеры и интонации. Но так как вокруг не было его товарищей, в глазах и на лицах которых он мог бы видеть своё отражение, то он не заметил, как заигрался, и упустил момент, когда забава перестала быть смешной. Подыгрывая этим снегам, он нечувствительно сросся с той личиной, которую надевал, переступая порог их дома. И вот извольте получить – во чужом пиру похмелье: тошно, раскалывается голова, а сделанного не воротишь... Да чего там – «во чужом пиру», сам кругом виноват!

В пылу этой экзекуции, прогоняя самого себя сквозь строй своих юношеских идеалов, он слой за слоем сдирает с себя кожу того «внешнего человека», которым он предстал в глазах других – кожу перспективного молодого карьериста, кожу товарища, сына и брата. И, дойдя до окровавленной сердцевины, до пронизанной обнажёнными нервами сути, понял: все переживания последних часов были не чем иным, как муками его собственного уязвлённого самолюбия. Если бы он любил Риту, то всё это не имело бы значения. Но Костя искал и не находил в своей растерянной душе того чувства, которое завело его так далеко. Выходит, никакой любви и не было. Обычное увлечение, пресловутая ошибка молодости. И с этим теперь жить! Неужели эти царские хоромы настолько усыпили его совесть, прельстив мечтой о сладкой жизни? Да нет же! Он был бы счастлив, окажись Рита обычной ленинградской девочкой из коммуналки или с заводской окраины. Но теперь он знал, что такая девочка вряд ли водила бы иностранных туристов по Эрмитажу, будь она хоть семи пядей во лбу.

Сидя на холодном подоконнике, Костя беспощадно предавал себя суду своей совести. «Подсудимый, что вы чувствовали к гражданке Павловской, когда впервые встретили её при

---

²¹ Слова из песни Владимира Высоцкого «Я не люблю»: Я не люблю уверенности сытой, Уж лучше пусть откажут тормоза! Досадно мне, что слово «честь» забыто, И что в чести наветы за глаза.

исполнении ею служебных обязанностей?» Хороший вопрос. Он тогда ещё ничего не знал о её образе жизни. Костя честно пытался вспомнить, что заставило его следовать за ней по залам Эрмитажа. Красивая девушка. Наверное, умная, раз свободно рассуждает о живописных полотнах на другом языке. Вот она грациозно движется по дворцовым залам в сопровождении группы иностранных туристов, следующих за ней, как свита придворных следует за венценосной особой, благоговейно внимая каждому монаршему слову. Она казалась ему сошедшей с одного из парадных портретов, чему немало способствовала её горделивая осанка и отстранённый, холодный взгляд.

Наверное, он влюбился в неё, как мальчики влюбляются в кинозвёзд и мечтают о них, подспудно понимая, что этим мечтам не суждено сбыться – и слава Богу, потому что на самом деле они влюбляются не в живых людей, а в романтические образы, созданные для них кинематографом. Они развешивают над кроватью афиши и открытки с любимым образом, чтобы в дерзких юношеских мечтах воображать себя любовниками этих богинь, а взрослея, наделяют их чертами однокурсниц или девочек с соседней улицы. И год-другой спустя после очередной весенней уборки только следы клея и тёмные прямоугольники на обоях напоминают об этом детском увлечении...

А его идеал оказался на расстоянии нескольких шагов – достаточно близко, чтобы поддасться искушению. Чего было больше в этом искушении: потребности удовлетворить своё мужское самолюбие, подцепив классную девчонку, или искренней симпатии к ней? Хотя какая теперь разница! Что случилось, то случилось. Сам заварил эту кашу, самому и расхлёбывать.

На светлеющем небе уже стали отчётливо видны очертания крыши, когда Костя наконец вернулся в казарму. До подъёма оставалось ещё часа три сна, но он был уверен, что не заснёт. Однако едва он закутался в одеяло, как тепло и усталость сделали своё дело.

Глава 4. Невольник чести

Он вышел из дверей КПП и огляделся. Немного поодаль, на противоположной стороне улицы, стояла чёрная «Волга», по газону возле которой прохаживалась Рита, глубоко погрузив руки в карманы светлого плаща и вспахивая при ходьбе опавшие листья. Костя на секунду остановился и попытался вызвать в душе хотя бы искру нежности. Но после вчерашнего разговора с будущим тестем он был опустошён и теперь не испытывал ничего, кроме вины. «Чёрт, а ведь он прав! Я действительно никуда не гожусь», – грустно подумал он.

В этот момент Рита подняла голову и увидела его. Он машинально улыбнулся и помахал ей рукой. Её серьёзный и пристальный взгляд следовал за ним, как натянутый поводок, пока он переходил улицу и шёл к машине. Когда он приблизился, она даже не вынула руки из карманов и лишь молча вопросительно посмотрела ему в глаза. Костя поцеловал её холодную гладкую щеку и пробормотал: «Привет». Вместо ответа она спросила:

– Всё было ужасно, да?

Он смотрел на неё, и услужливая память рисовала другие, очень похожие на эти, черты. Тот же нос, те же скулы и волевой подбородок, такие же выпуклые карие глаза – но выражающие холодное презрение... Пытаясь прогнать наваждение, Костя посмотрел поверх Ритиной головы в даль осенней улицы и ответил:

– Терпимо.

– Понятно. Это было ужасно, – Рита вздохнула.

– Пустяки, – попытался было он возразить, но она перебила.

– Перестань. Я знаю папу. Прости, что тебе пришлось всё это выслушать.

Что-то похожее на благодарность кольнуло его сердце. Он обнял её за плечи и привлёк к себе. Рита на мгновение прижалась лбом к его курсантскому погону, но тут же отстранилась и повернулась к машине.

– Поехали.

Костя поспешно распахнул перед ней дверцу заднего сиденья.

.....

Когда с формальностями было покончено, Костя спросил у сотрудницы загса, где находится ближайшая почта, и заказал на следующее воскресенье телефонные переговоры с родителями. Телефона у них не было, поэтому на переговорный пункт их приходилось вызывать телеграммой.

Этот предсвадебный месяц запомнился ему чувствами нравственной нечистоты и обречённости. Детали грядущего события и устройство их семейной жизни он обсуждал с Еленой Матвеевной и Ритой – Леонид Захарович устранился от этой процедуры. Впрочем, он и раньше нечасто баловал семью своим присутствием, будучи очень занятым в своём Ленсовете; но Костина раненная совесть подсказывала ему, что будущий тесть просто-напросто избегает его, переложив бремя дипломатии на плечи супруги. И надо отдать ей должное: она не подвела. Елена Матвеевна проявила чудеса такта, стараясь щадить самолюбие молодого человека, который прекрасно понимал, сколь ничтожна его роль и сколь мало мог он предложить своей невесте. Правда, его родители активно подключились к этим хлопотам – насколько это было вообще возможно, учитывая расстояние и отсутствие постоянной телефонной связи. Они были готовы выехать в любой момент, чтобы познакомиться с будущей роднёй и внести свою лепту в грядущее торжество, но Костя отговорил их, сказав, что свадьба будет скромная. Вместо этого он, по совету Елены Матвеевны, дал им номер телефона Павловских.

Костя легко представлял себе недоумение и замешательство отца и мамы. На его родине свадьба была событием, грандиозным во всех смыслах – и по масштабам подготовки, и по числу приглашённых гостей. Родня до седьмого колена, сослуживцы, друзья и соседи всех

заинтересованных лиц могли считать себя приглашёнными по умолчанию: этот вопрос даже не обсуждался. Он был уверен, что родители не поскупятся, пустят на это дело все свои сбережения и, если надо, позанимают у родни – за это можно было не переживать. Беспокоило его другое. Каждый раз, когда он воображал своих дорогих, обожаемых папу и маму рядом с Павловскими – в этих стенах – он испытывал мучительную неловкость и ненавидел себя за это. Костя пытался увидеть их глазами хозяев, и их непосредственность, радушие и заразительный юмор – всё, что он в них так любил – казались ему удручающе провинциальными. Он отдавал себе отчёт в том, что для Павловских его папа и мама – просто неотёсанная деревенщина. Нетрудно было представить холодное злорадство Павловского, с которым тот будет фиксировать все их промахи: незатейливый наряд мамы, солёные шутки отца, его непреодолимый кавказский акцент, такой естественный дома и такой неуместный в этом чопорном доме с его атмосферой утончённой роскоши.

Единственным человеком, за которого он не переживал, была Лилька. Не выйдя ещё из отроческого возраста, она уже обладала отменным, хотя и несколько своеобразным вкусом, много читала и, воображая себя героиней чувствительных романов прошлого века, активно способствовала преобразению родительского дома. За прошедший год она здорово повзрела, и сквозь пух гадкого утёнка неожиданно проступили пёрышки прекрасного лебедя – из голенастого худого и долговязого подростка она превратилась в барышню, как с шутливой нежностью называла её мать. Во время его последних каникул они очень сблизились и подолгу беседовали. Только ей он смог без утайки рассказать о Рите, и не потому, что боялся стать предметом отцовского подтрунивания или маминой тревоги. Родители знали, что он встречается с девушкой, но что это за девушка, знала только сестра.

Было решено, что молодые после свадьбы будут жить отдельно. Это известие вызвало у Кости вздох невероятного облегчения: мысль о том, что его ждёт незавидный удел приймака, была для него невыносима. Сам он не осмеливался предложить Рите уйти на съёмную квартиру. Во-первых, был уверен, что она не захочет покидать своё уютное гнёздышко в родительском доме. Во-вторых, разузнав у местных, сколько это может стоить, он решил, что дело это гиблое: даже однушка в спальном районе стала бы тяжёлым бременем для его родителей, не говоря уже о том, что Рита никогда не согласится жить в таком месте. И был удивлён, узнав, что идея об отдельном проживании принадлежала самой Рите, но, поразмыслив, не мог не согласиться, что она поступает мудро. Впрочем, квартира, которую подыскали Рита с матерью, оказалась расположена настолько близко к дому Павловских, что Костя боялся даже спрашивать о цене. Однако спросить всё же следовало – хотя бы из соображений элементарной порядочности, свою гордость, учитывая обстоятельства, ему следовало спрятать подальше. Но на его вопрос Рита только отмахнулась: «Откуда я знаю! Зачем тебе это?», а Елена Матвеевна, положив изящную руку на рукав его кителя, мягко улыбнулась и сказала:

– Костя, вы мне нравитесь, но позвольте совет: не морочьте себе голову. Это было Риточкино желание, и мы с Леонидом можем себе это позволить.

– Но ведь квартира в центре города обойдётся в целое состояние!

– Мы всё равно собирались купить Рите квартиру, когда она решит жить отдельно. Так что считайте, что это приданое. К тому же ваши родители сделали очень щедрый вклад в организацию свадьбы, так что вам не о чем беспокоиться.

О размерах этого щедрого вклада Костя боялся даже думать: можно не сомневаться, что отец не допустит, чтобы кто бы то ни было пылил ему в лицо.

В последнее воскресенье перед свадьбой Рита привела его в их будущее семейное гнёздышко. Это была небольшая квартирка на третьем этаже старого питерского дома, с двумя смежными комнатами и кухней, окна которых смотрели на Фонтанку и такой же дом на противоположном берегу. В ней ещё пахло свежей краской, но в дальней из комнат уже стоял Ритин спальный гарнитур, с которым она не пожелала расставаться, а на окнах висели новые

занавески. Здесь предстояло остановиться его родне, хотя у Джедаевых, как и у большинства их земляков, были родственники в обеих столицах, которые с удовольствием приняли бы их у себя. Но тогда, по кавказским законам, их следовало непременно пригласить на свадьбу, а этого не предполагалось.

Засунув руки в карманы брюк, Костя стоял в дверях гостиной, обживая глазами будущее жильё. Впрочем, ему не придётся проводить здесь много времени: женатые курсанты продолжают оставаться в казарме и только по выходным имеют возможность навещать свои семьи. Но через некоторое время здесь появится на свет его ребёнок. Здесь он сделает свои первые шаги, в этих комнатах будут разбросаны его игрушки, и Костя старался увидеть эти комнаты глазами отца семейства.

Когда он решил выбрать профессию военного врача, то понимал, что ему следует быть готовым к неустроенному, бивуачному офицерскому быту – с частыми переездами и казёнными квартирами, скудно обставленными случайной мебелью; с нехваткой самых простых, но необходимых в домашнем хозяйстве вещей; с мелкими бытовыми проблемами, справиться с которыми помогают смекалка и соседи по военному городку. Такого начала взрослой жизни, как у них с Ритой, он никогда не представлял и не был к нему готов. Казалось бы, чего лучше: квартира уже практически обставлена, даже кухонные шкафчики заполнены посудой. Всё в ней – от паркетного пола до высоких окон – намыто до блеска: Галина постаралась от души. Он старался разделить Ритину радость – и не мог. Сама Рита устроилась, поджав ноги, на новеньком диване, ещё не покрытом пледом, и, улыбаясь, ждала его одобрения.

– Ну? Что скажешь? – нетерпеливо спросила она.

Костя шумно вдохнул и, сделав над собой усилие, выдохнул:

– Потрясающе!

Она похлопала по дивану рядом с собой.

– Иди сюда.

Он послушно сел рядом.

– Что-то не так? – спросила она.

– Ну что ты. Всё великолепно – кроме одной малости.

– Это какой же? – спросила Рита, игриво подперев подбородок кулачком опирающейся на подлокотник руки.

– Это твоя квартира, – ответил он и посмотрел ей в глаза.

– Наша! – ответила она вкрадчиво, улыбаясь одними глазами.

Он помотал головой.

– Нет, Рита: твоя!

Она помолчала, пристально глядя на него.

– Это потому что за неё заплатили мои родители?

– Да. – Костя отвёл взгляд и продолжил рассматривать комнату. – Мне следовало привести тебя в мой дом.

– Хорошо, что ты предлагаешь? – спросила она, начиная злиться.

– Ничего. В том-то и дело, что я ничего не могу тебе предложить. Боюсь, ты сделала не самый удачный выбор.

Она рывком опустила ноги на пол.

– Позволь мне самой решать, удачный или нет я сделала выбор!

– Твой отец со мной бы согласился.

– Вот поэтому мы и будем жить здесь, а не дома. Считаю, что он заплатил за свой... за свою... за своё упрямство.

– Но ведь он прав, Рита!

– Ничего подобного! Из тебя получится блестящий врач.

Костя усмехнулся.

– «Блестящий» – не совсем подходящее слово для врача. Меньше всего мне хотелось бы блестеть...

– Блистать! – поправила она его раздражённо. – Блистать – не значит красоваться, это значит быть лучшим в своём деле, и ты прекрасно это знаешь.

Они сидели рядом на диване: Рита – обхватив себя руками, Костя – опираясь локтями на колени и крепко сомкнув руки. Воздух вокруг них двоих сгустился от напряжения. Помолчали. О чём думала Рита, Костя мог только догадываться, его же собственные мысли были неутешительны. Бедняк думками богатеет, усмехнулся он про себя, вслух же сказал, откидываясь на спинку.

– Ладно. Что обо мне говорить! Ты сама-то здесь как, справишься?

– О, разумеется. А если что, мама или Галина помогут, тут ведь всего пара кварталов... Телефон проведут на будущей неделе, – добавила она как бы невзначай, но Костя знал, что установка телефона обычным гражданам была делом небыстрым: требовалось подать заявку и несколько лет ждать своей очереди. Стало быть, папенька расстарался – нажал на соответствующие пружины, пустил в ход высокие связи, или как там это делается у слуг народа? Впрочем, не ему теперь роптать: по крайней мере, уменьшится вероятность наткнуться на Павловского, звоня его дочери, да и Рита, учитывая её положение, всегда сможет обратиться за помощью.

– Хорошо, – отозвался он и услышал её сдержанный вздох облегчения. Она подвинулась к нему и, просунув свою руку под его локоть, сплела свои пальцы с его и проговорила вкрадчиво:

– Самое главное, милый, что мы здесь совсем одни!

Намёк был более чем прозрачен, но Костю он не обрадовал. Они не были близки уже больше месяца, и он с изумлением ловил себя на том, что желание, которое пожирало его все предыдущие полгода, иссякло так резко, словно он израсходовал его до последней капли. Прежде он с трудом доживал до воскресенья, борясь с искушением сорваться в самоволку посреди недели. Так как возможность уединиться в Ритиной квартире выпадала нечасто, то они обыкновенно встречались на вокзале и добирались на электричке до дачного посёлка. Это были дни весёлого и безудержного молодого разврата, которому они предавались иногда прямо на ковре в гостиной, едва успев растопить камин. Утолив первый голод, они голыми расхаживали по дачному дому Павловских, наслаждаясь своим бесстыдством, ели припасённые Ритой пирожки или открывали тушёнку из дачной кладовой, из которой Костя готовил армейскую кашу, добавив консервы к сваренной им гречке; Рита тем временем доставала из бара бутылку вина – папа всё равно не заметит, он пьёт только крепкие напитки! После, возбуждённые вином, они продолжали пиршество в постели, поглощая свой запретный плод без остатка – вместе с семенами и черенком. И только тогда, вконец обессиленные, отрывались друг от друга, тщательно устраняли все следы своего пребывания и возвращались в город на вечерней электричке, молча сидя рядом в полупустом вагоне. Потом они долго и нежно прощались у её парадного и, едва за Ритой закрывалась массивная дубовая дверь, он мчался в казарму, успев пройти через КПП за считанные секунды до урочного часа.

После этих свиданий Костя засыпал раньше, чем его голова успевала коснуться подушки. Но уже следующей ночью, вспоминая подробности минувшего воскресенья, он снова жаждал обладания. Впрочем, желание просыпалось вместе с ним уже наутро понедельника, едва выпадала относительно спокойная минутка. Иногда это случалось во время утренней зарядки, когда, механически повторяя давно знакомые движения, он вспоминал совсем другие упражнения, и эти картины отзывались дрожью наслаждения во всём теле. Ему тогда казалось, что он никогда не сможет насытиться Ритой. И что же теперь? Он сжимал тонкие Ритины пальцы и ужасался пустоте внутри себя. Неужели это возможно? И что теперь делать?!

Чувствуя его нерешительность, Рита уселась на его колени верхом и, запустив руки в его волосы, приблизила лицо к его лицу. Глядя в его глаза смеющимися и жадными глазами, она прошептала у самых его губ:

– Мы ведь так этого хотели, правда?

Прежде от этого ему мгновенно снесло бы голову. Но сейчас он смотрел в её глаза и силился придумать, как бы избежать этой близости, которая, конечно же, обернётся его полным фиаско. Наконец он прошептал, сглотнув ком в горле:

– К..как ты себя чувствуешь?

Ответ был очевиден, но ничего лучшего он придумать не смог. Рита улыбнулась.

– Чувствую, что страшно по тебе соскучилась...

Она прильнула к его губам, он ответил – и с облегчением ощутил необходимую физиологическую реакцию...

Глава 5. Три пирога

По случаю свадьбы ему дали увольнительную на два дня.

Родители и Лилька уже приехали накануне – вечером он говорил с ними по телефону (который, как и было обещано, вне всякой очереди установили в новой квартире). На его вопрос, как доехали, отец жизнерадостно сообщил: как Леонид Ильич Брежнев²² с супругой, из чего Костя заключил, что их встретил в аэропорту если не сам Павловский, то, как минимум, его шофёр, который и препроводил их до квартиры. Мама же сразу обрушила на него водопад своей заботы, забросав тысячей вопросов, на которые он не успевал отвечать. Она же и подтвердила его догадку о шофёре, добавив, однако, что с ним была Елена Матвеевна, «очень милая женщина, Котик, я так и думала, когда говорила с ней по телефону, она очень хорошо отзывается о тебе, ты знаешь, по-моему она неплохо разбирается в людях...». Конец этому монологу положил голос отца, который со свойственной ему грубоватой лаской пророкотал из глубины комнаты: «Мама, хорош кудахтать, ты же утром его увидишь!» Костя попросил дать трубку Лильке, но оказалось, что она в ванной (голос отца: «Не понимаю, что там можно мыть столько времени! Мама, ты бы заглянула к ней – может, она уже растворилась?»). У Кости потеплело на сердце.

В семь часов следующего утра он уже звонил в дверь. Ему открыла радостно-возбуждённая Лилька в ночной сорочке и с расчёской в руке. Пролетев: «Котик!», она тут же повисла у него на шее. Повзрослела, подумал он – ещё летом она по своей детской привычке обнимала его при встрече всеми четырьмя конечностями, как обезьянка, теперь же просто поджала ноги. Ещё бы: Лилька была уже почти одного с ним роста. Пока он кружил её над полом, она радостно сообщила:

– А мама уже пироги печёт!

В этом сообщении не было никакой необходимости: всю квартиру заполнял аппетитный дух осетинских пирогов с разнообразными начинками, и было слышно, как мама гремит на кухне противнями. Но Костя, чтобы доставить сестре удовольствие, ответил:

– Ух ты! Какие?

– Угадай!

Он втянул воздух.

– Уалибах... Нашчин... И ещё...

– Ещё будет фытчин²³! Твой любимый!

В эту минуту почти одновременно захлопнулась дверца духовки и открылась дверь ванной, и появились свежесбривший отец и раскрасневшаяся мама, вытирающая полотенцем припудренные мукой руки, и началась привычная и такая дорогая сердцу куча-мала из неуклюжих объятий, неловких поцелуев, попадающих в те места, которые оказались ближе всего – то в глаз, то в нос, то в подбородок – и бессмысленных, на взгляд постороннего, восклицаний, которыми приветствуют друг друга близкие люди после долгой разлуки.

Потом пили чай в кухне – с мамиными пирогами и домашними разносолами. Мама нежно смотрела на сына, с наслаждением уписывающего за обе щёки её кулинарные шедевры, Лилька то и дело подкладывала что-нибудь ему на тарелку.

– Лена отговаривала меня насчёт пирогов, мол, это лишнее! (Лена – это Елена Матвеевна, догадался Костя). Как же лишнее, говорю? У нас так положено: если в семье случается событие, на столе непременно должны быть три пирога! А она своё: зачем вам, Люба, утруждаться,

---

²² Глава СССР в период, о котором идёт речь.

²³ Уалибах – пирог с сыром, нашчин – с тыквой, фытчин – с мясом.

Галина напечёт пирогов! Нееет, говорю. Таких пирогов ваша Галина вам не испечёт. Да и чего тут утруждаться? Я дома и на сто человек пеку бывает, а тут всего-то...

– Ну и кралю ты, сынок, оторвал! Высший класс! – перебил её отец. – Конечно, это нехорошо, что женишься по необходимости. Но ладно уж, бывает, я понимаю – сам молодой был. Горячий был, жуть! Правда, мама? Это сейчас я уже никуда не гожусь, а по молодости – только держись: плюнешь на него – зашипит! – он бросил красноречивый взгляд вниз и подмигнул.

– Ваха! – укоризненно воскликнула мать. – Здесь ребёнок!

– Ребёнок? Кого это вы сюда привели? – Лилька с делано серьёзным видом огляделась по сторонам.

– А что такое? Я разве что-то не то сказал? – отец с самым невинным видом посмотрел на мать и перевёл взгляд на Лильку. – Чижик, ты что-нибудь слышала?

Лилька выгнула бровь.

– Мама думает, я всё ещё верю, будто вы меня в магазине купили.

– Как! Мама, ты ей разве не сказала?! – Отец сделал большие глаза, и Костя замер в предвкушении очередной его эскапады. – Чижик, посмотри на свои ноги! Сразу же видно – тебя аист принёс!

Мать только отмахнулась, а Лилька пробубнила в чашку с чаем:

– Угу, аист...

Эти часы Костя теперь вспоминал как самые счастливые за весь день своей свадьбы. Когда ему бывало особенно неуютно в их с Ритой семейном гнезде, он перебирал в памяти то утро и мысленно наполнял комнаты ароматом маминых пирогов. Тогда жизнь здесь становилась, по крайней мере, сносной...

Мама поспешила сменить тему.

– Котик, а кто твой шафер?

– Гаспарян.

– Твой однокашник? И где же он? – вмешался отец.

– Подъедет к загсу. Ему не дали увольнительную на весь день, только с двенадцати.

– Гаспарян... – Мама задумчиво покивала. – А как его зовут?

– Рубен.

...Когда на курсе стало известно, что Джедай женится, и парни вдоволь наштутились и надурачились по поводу этого события, кто-то из них спросил, кого он собирается взять шафером. Он ответил, что ещё не думал об этом, и все наперебой стали предлагать свои кандидатуры.

Это была проблема. Накануне Рита спросила его о том же, он обещал подумать, но так и не определился. Он ладил почти со всеми, несколько человек считал своими друзьями, но выбор осложнялся отнюдь не количеством претендентов, а их качеством – точнее, качествами. Необходимо, чтобы его шафер сочетал в себе сдержанность и достоинство, остроумие и хорошие манеры – словом, являл собой образец будущего советского офицера. Эти качества в разных пропорциях имелись у большинства его друзей, но не было никого, кто бы отвечал сразу всем критериям. А Косте ничего не хотелось так страстно, как поставить будущего тестя на место, доказать ему несправедливость его отношения к выбору дочери – и в то же время насколько это возможно скрыть от друзей правду о семье невесты.

Ведь они не знали о Рите почти ничего и даже не подозревали об этом.

У молодых людей, которые несколько лет живут в одних стенах и делят тяготы армейской жизни, складывается особенная близость – своего рода братство, которое не идёт ни в какое сравнение с обычной студенческой дружбой. Они узнают друг о друге кучу подробностей самого интимного свойства, которые невозможно скрыть, когда ты и ешь, и спишь, и отправляешь естественные потребности на глазах у своих товарищей. Потолкавшись вначале плечами, потом каждый занимает своё место в этом тесном пространстве общего быта,

становясь частью одного сложного организма. Существует мнение, что армия обтёсывает всех по одному шаблону, стирает различия. Но это скорее относится ко внешним проявлениям характера, внутри же все продолжают оставаться разными. Например, кто-то весь нараспашку, а другой предпочитает держать свои мысли при себе. Но глядя на своих товарищей, Косте иногда начинало казаться, что мысли каждого начинают циркулировать в этом сообществе по общему руслу, подобно тому, как циркулирует электрический ток по цепи, если замкнуть все её звенья. Он не раз был свидетелем того, как думки ребят из числа молчунов озвучивались кем-нибудь из их товарищей – и попадали в точку.

Во время их непродолжительных досугов, когда парни, как водится, принимались обсуждать свои любовные подвиги и проблемы, Костя избегал говорить о своих отношениях с Ритой. Ребята подначивали его, выдвигая версии одна нелепее другой, но он продолжал отмалчиваться, ограничившись скухими фактами. Со временем друзья привыкли к его сдержанности, приписав её рыцарским понятиям Джедая о чести. Это соответствовало действительности, но было не единственной причиной его скромности. Он вырос на Кавказе и с детства слышал, что мужчина должен следить за своим языком – особенно в том, что касается женщин. В его краях это было вопросом семейной чести, и он бы бросил тень на всю фамилию, если бы позволил себе нескромно говорить о ком бы то ни было, даже если всё сказанное было правдой: там не только семья, но и весь клан несёт ответственность за воспитание детей. В прежние времена подобные разговорчики могли бы стать поводом для кровной вражды с семьёй скомпрометированной девушки. Теперь, конечно, вероятность быть зарезанным одним из её братьев – а братьями у горцев считаются все кузены до седьмого колена – была сравнительно невелика, но исключать её все же не следовало: всякое бывало. Однако причиной Костиной – как, впрочем, и большинства его земляков – сдержанности был вовсе не страх мести, а недопустимость позора, который неизбежен, если ты уронишь свою честь подобными разговорами. Однажды, когда друзья особенно заколебали его своими шуточками, он попытался объяснить им это. Они выслушали его с недоверием, но всё-таки оставили в покое.

Это было Косте на руку: в глубине души он не мог не признаться самому себе, что его роман с такой девушкой, как Рита, неизбежно создаст ему репутацию ловкого карьериста. А ему меньше всего хотелось быть обязанным своими успехами выгодному родству или высоким связям.

В конце концов он остановил свой выбор на Гаспаряне. Это был свой брат-нацмен²⁴, который не нуждался в объяснении многих тонкостей этикетного порядка: они были для него очевидны. Кроме того, Рубену, как и большинству представителей его народа, были свойственны врождённая деликатность и такт, которые не смогли вытравить даже несколько лет жизни в казарме. Он, как и Костя, был полукровкой и унаследовал от своей русской матери светлые волосы и глаза – разрез которых, впрочем, был несомненно армянским: большие и выразительные, вытянутые к вискам, они оставались печальными даже тогда, когда он смеялся.

Костя сообщил о своём решении в понедельник, в конце обеда. Новость вызвала за их столом смесь из разочарованных и торжествующих возгласов – кое-кто из парней заключил пари на его решение. Гаспаряна хлопали по спине и плечам, сам он сиял грустной армянской улыбкой. Теперь предстояло самое неприятное. Дав другу время освоиться с его новой ролью, перед отбоем Костя отозвал его в глухой конец коридора, где располагался хозблок, в это время пустующий, и там, в тесной каптёрке, на перевёрнутых вверх дном вёдрах, поведал ему свою историю.

Рубен умел слушать. Он ни разу не перебил друга во время его беспощадной исповеди, продолжал хранить молчание и после того, как в ней была поставлена последняя точка.

---

²⁴ Эта аббревиатура использовалась в СССР в качестве обобщённого наименования любых представителей *национальных меньшинств*.

Это было очень неловкое молчание, но когда он заговорил, Костя с облегчением понял, что не ошибся.

– Ты не хочешь, чтобы ребята об этом знали, да?

– Да.

– Хорошо. – Он поднялся, Костя тоже. Рубен потоптался на месте, расчесал пятерней волосы, о чём-то размышляя.

– Что? – не вытерпел Костя.

Гаспарян посмотрел ему в глаза. Вздыхнул, задумчиво помотал головой.

– Всё так плохо? – Костя криво усмехнулся.

– Не представляю, чем тебе помочь.

– Ты уже помог.

– Ерунда. Чем?

– Тем, что согласился быть рядом...

– ... в не самый лучший день твоей жизни? – грустная улыбка мелькнула на его лице и растаяла. – Послушай... Я ценю твоё доверие и постараюсь не подвести, это само собой. Но ты должен знать, Джедай: ты всегда можешь на меня рассчитывать. Если тебе нужна будет какая-то помощь... всё равно какая. Или просто захочешь поговорить. Ты понял?

Костя сглотнул ком в горле, хрипло ответил:

– Спасибо.

Ему захотелось на воздух. Он выскользнул во двор через боковой вход и подставил лицо холодному сырому ветру. Горячие слёзы закипали в душе, искали выхода. Этого ещё не хватало – сопли на кулак наматывать, ругал он сам себя, но ничего не мог поделать. Горечь, копившаяся в душе весь последний месяц, под действием дружеского участия словно бы вступила с ним в химическую реакцию, результатом которой стало выделение большого количества солёной воды. Костя отступил вглубь дверного портала, куда не доставал холодный свет прожектора, освещающего плац, и, бормоча ругательства, принялся размазывать слёзы по лицу тыльными сторонами ладоней и рукавами, пока не вспомнил про носовой платок, которым почти никогда не пользовался. Вытер лицо, высморкался и несколько раз глубоко и медленно втянул и выдохнул ледяной воздух.

Непрощенные слёзы наконец иссякли, но с таким лицом нельзя было возвращаться в казарму. Он посмотрел на часы: до отбоя оставалось чуть меньше двадцати минут – и решил перекантоваться здесь. Градус его переживаний постепенно возвращался в границы нормы, а в этом диапазоне мозг уже фиксировал сигналы кожных рецепторов – иначе говоря, Костя понял, что на дворе вторая половина осени и он замерзает. Он вошёл внутрь, закрыл за собой дверь и прислушался. Из открытой двери ленкомнаты доносились возбуждённые голоса и взрывы хохота, в дальнем конце коридора чутко дремал на своей тумбочке дневальный. Костя вздохнул и не спеша направился к своим. Дневальный метнул в его сторону бдительный взгляд, но, узнав своего, расслабился.

.....

Свадьбу он вспоминать не любил.

Не ожидая от неё ничего хорошего, Костя был готов ко всему. Больше того: иногда, с отчаянием приговорённого, он в глубине души лелеял картины полного провала, который должен был неминуемо кончиться разрывом. В такие минуты исполнение угрозы Павловского о ссылке в дальний гарнизон казалось ему просто спасением, а сам этот мифический гарнизон представлялся землёй обетованной, в которой он был готов искупать свой позор хоть до конца земной жизни. Во всяком случае, этот вариант был предпочтительней пожизненного заключения в купленных и обставленных тестем апартаментах, рядом с женщиной, которая оказалась совсем чужой...

Так как о романтических переживаниях можно было забыть, он смотрел на происходящее трезвым взглядом стороннего наблюдателя, пытаясь увидеть всё глазами Павловских. Презирая себя за это, он не мог не признать, что его родные, несмотря на все усилия, выглядели удручающе провинциально.

Новый костюм и белая рубашка с галстуком сидели на отце вполне прилично – в другое время Костя бы с гордостью признал, что папа всё ещё видный мужчина. Однако скованные, неловкие движения делали его похожим на маленького сорванца, которого поймали, отмыли и втиснули в парадную одежду, строго-настрого наказав хорошо себя вести и не пачкаться.

Лилька, как обычно, была вся в оборках и кружевах, к которым питала слабость, проистекавшую, как подозревал Костя, от её увлечения сентиментальными романами. Воображая себя тургеневской девушкой, она старалась выглядеть и одеваться соответствующим образом и была, конечно, трогательно мила – но чертовски несовременна.

И только мама была просто мамой. Её не смогли испортить ни сшитое на заказ бархатное платье, ни причёска, сделанная у парикмахера Елены Матвеевны. Она вся была воплощённая материнская любовь и забота, и это служило ей лучшим украшением.

Однако всё прошло не так уж и плохо. Все вели себя достойно, хотя Костя не мог не заметить, каких усилий стоило его отцу удерживать в рамках приличия своё неукротимое чувство юмора. Когда из загса приехали к Павловским и все расселись за большим, богато сервированным столом в их просторной гостиной, он окинул взглядом комнату, и Костя с тревогой увидел, как иронично выгнулась отцовская бровь, а в глазах заплясали бесенята. Но он только лукаво подмигнул сыну, и Костя перевёл дух, понимая, впрочем, что ещё не вечер.

Так оно и вышло.

Застолье, которое вначале было довольно скучным и чопорным, после двух-трёх тостов несколько оживилось. Елена Матвеевна изо всех сил старалась быть радушной, и даже Павловский сбавил градус своего презрительного величия, рассказав довольно язвительный политический анекдот. И хотя мама зорко следила за рюмкой отца (которого, к слову, Костя ни разу за свою жизнь не видел пьяным), был момент, когда он по-настоящему испугался за исход этого дня.

Поскольку любое осетинское застолье начинается с пирогов, которые занимают почётное место в центре стола и, сложенные стопкой, нарезаются на шесть-восемь частей и раздаются после первого тоста, то и теперь гости разобрали свою долю по тарелкам. Хозяева с некоторой осторожностью последовали их примеру. И случилось то, что и должно было случиться: хозяйка, глядя, как гости берут пироги руками, попытались сделать то же самое и вдруг обнаружили, что это не так-то просто. Ведь осетинский пирог тонкий и мягкий, он состоит, главным образом, из начинки, заключённой под тонкий слой теста, обильно смазанного сливочным маслом. Поэтому держать кусок приходится двумя руками, следя за тем, чтобы не выпала начинка. Помучившись, хозяйка сдались. Первым не выдержал Леонид Захарович: уронив остатки своего ломтя на тарелку, он принялся энергично вытирать жирные пальцы.

– Не понимаю, как вам это удаётся... Почему не делать это, как все цивилизованные люди – при помощи ножа и вилки?

– Леонид... – предостерегающе пробормотала его супруга.

Костя почувствовал, как похолодели его пальцы, и метнул взгляд на отца. Но тот беззаботно отправил в рот последний кусок и, вытерев губы и пальцы, ответил с широкой улыбкой:

– Что делать, мы ведь дикий народ – дети гор! – И он невозмутимо потянулся за вторым куском.

Костя перевёл взгляд на сидевшую рядом с отцом Лильку: она покраснела, отчего веснушки на её лице слились с румянцем в два больших пунцовых пятна на щеках, и открыла было рот, собираясь что-то сказать. Но тут женщины заговорили одновременно.

– Конечно, Леонид, ешьте, как вам удобно! Не смотрите на нас, – откликнулась мама.

– Невероятно вкусные пироги, Люба! Просто тают во рту! – Это защebetала Елена Матвеевна. – Но, я вижу, они все разные?

– Да, попробуйте ещё с тыквой. Но имейте в виду: он довольно острый, хотя я постаралась не переборщить с перцем. А вам, Леонид, я бы советовала самый нижний, с мясом – мужчины у нас их особенно жалуют...

Пронесло, подумал Костя. Отец, кажется, был полон решимости держать марку – во всяком случае, он явно не воспринимал свою новую родню столь же драматично, как новобрачный. Где-то к середине застолья Костя с изумлением заметил, что папа даже втайне забавляется, наблюдая за происходящим.

К счастью, никому из присутствующих не пришло в голову кричать «горько!» – это был, пожалуй, единственный пункт относительно устройства торжества, в котором он был согласен с будущей женой: прилюдные лобзания всегда ему претили, и если дома случалось попасть на русскую свадьбу, он в такие моменты всегда чувствовал неловкость и отводил глаза. На осетинской свадьбе подобные эксцессы исключены уже потому, что жених с невестой ни разу на протяжении всего обряда не находятся рядом, если не считать момента официальной регистрации брака, который часто вообще выносится за скобки и происходит отдельно от самой свадьбы, до или после неё – если вообще проводится. На Кавказе свадьба считается вполне достаточным подтверждением взаимных обязательств, нарушить которые никому не приходит в голову – сделать это гораздо сложнее, чем если бы вы, наоборот, ограничились загсом и решили обойтись без свадьбы: государство не столь требовательно по части соблюдения супружеских клятв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.